М. Б. ВОЛЬФСОН

ПУТИ СОВЕТСКОЙ КНИГИ

19 29

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ".
Москва, Пименовская ул., д. 16,
в количестве 4000 экз.
Главлит № А—37722
Гиз № 31551
Зак. № 9222
3½ п. л.

☆

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
811
С9

1. СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КНИГИ ДО ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

Книга в своем историческом развитии проделала длинный путь от роли ее, как предмета потребления для высших классов, вернее, для паразитических классов—до колоссального ее значения *как могущественного орудия общественного производства и общественного развития*. В течение многих веков преобладания натурального хозяйства, покоившегося на примитивном рабском и крепостном труде, книга была исключительно предметом роскоши, предметом услаждения праздных вкусов паразитической верхушки. Социальная роль книги усиливалась тем, что она служила в руках «идеологического сословия», являвшегося одним из аппаратов классового господства рабовладельческого и крепостнического общества, орудием идейного воздействия на трудящиеся массы в направлении, нужном и полезном для господствующих классов. Начиная с каменных плиток, с высеченными на них нравоучительными поучениями и правилами, и кончая библией, евангелием, всякими «правдами», декреталиями, поучениями апостолов и отцов, схоластическими творениями средневековых ученых и монахов,—все эти письменные и книжные памятники содержат в себе в различных вариациях доказательства божественности, разумности, целесообразности миропорядка и общественного устройства, покоящегося на неравенстве и варварской эксплоатации. Рядом с теоретической частью в этой литературе мы видим и «нормативную»,—она заботливо нормировала поведение низших классов (именно низших классов, ибо воля высших классов признавалась не объектом нормирования, а субъектом).

При такой роли книги широкие массы и даже значительные пласты господствующей верхушки могли оставаться и оставались неграмотными, книгой совершенно не пользующимися. Значительное большинство представителей господствующего класса услаждало себя

вином, развратом, грубыми и жестокими забавами и т д, и лишь «просвещенные» единицы забавлялись умственными упражнениями. Для широких же трудящихся масс книга в их жизни, в их труде—примитивном, тяжелом, вооруженном отсталыми орудиями—была совершенно лишней и ненужной вещью. Воздействию книги они подвергались не непосредственно, не путем чтения книг, а через посредство «идеологического сословия»—жрецов, каганов, священников, «святых отцов» и т. д.

Книга приобретает огромное значение как мощное средство производственного процесса только в эпоху развития капитализма. Ясно, что товарно-капиталистическое хозяйство, проникнутое многочисленными и разнообразнейшими связями между разными слоями товаропроизводителей, между разными областями и странами, между разными отраслями человеческой деятельности и т. д, не может развиваться без помощи науки, а следовательно и книги. Ясно, что капиталистическое производство, являющееся производством все растущей прибавочной стоимости (а следовательно и порождающим все увеличивающуюся продукцию) не может обходиться без высокой техники, без развивающейся химии, минералогии, механики, агрономии, бухгалтерии, политэкономии и т. д. Книга, как и вещественные элементы производственного процесса—рабочая сила и средства производства, потребляется в процессе производства. Индивидуальное потребление книги сменяется ее производительным потреблением. Уже в эпоху раннего капитализма—торгового капитала—огромное значение приобретают карты, книги по мореплаванию, книги с описанием чужих стран, бытоописательные книги (отсюда и развитие романа) и т. д Для торгового капитала, совершавшего свою экспансию, захват все новых и новых областей с мелкобуржуазным производством, нужны были описательные книги, но промышленному капиталу, организующему производство на более высокой основе, на основе большей производительности труда, нужны еще и другие книги,—книги, истолковывающие все вопросы нового производственного процесса и все вопросы, возникающие на почве усложняющихся связей, порождаемых капиталистическим способом производства. Технические и естественно-научные книги, политико-экономические трактаты, книги по праву, энциклопедии, материалистическо-философские работы, обосновывающие мировоззрение и право на гос-

ходство нового класса, берущего в свои руки руль хозяйства, государства и общества—вся эта литература все более и более усиливающимися потоками заливает буржуазный мир.

О росте книжной продукции в мировом масштабе дает представление нижеследующая таблица.

До 1500 г.	30 742	названий
1500—1600	285 224	»
1600—1700	972 300	»
1700—1800	1 637 196	»
1800—1900	6 100 526	»

«Век реформации» (16-е столетие) был веком *нарождающегося* могущества капитала, и он уже дал книжной продукции в 10 раз больше, чем предшествующие века. Объем этой продукции остается, однако, довольно скромным по сравнению с книжной продукцией мануфактурного периода развития капитализма (17-е и 18-е столетия) и кажется ничтожным, когда мы сравниваем его с объемом книжной продукции в эпоху *бурного* развития промышленного капитализма—в эпоху машинного капитализма (19-е стол.). Торговому капиталу и даже раннему промышленному капиталу не нужен был грамотный рабочий и еще менее ему нужен был грамотный крестьянин. У просвещенного представителя английской буржуазии начала XVIII века—у Свифта в его «Путешествии Гулливера»—мы находим такую «идеальную» картину просвещения в воображаемой стране бробданьягов (любовно описанной Свифтом). дети дворян и купцов учатся до 15 лет, дети ремесленников учатся ремеслу с 11 лет, рабочие же и крестьяне не учатся совсем, ибо по роду своих занятий (установленных для них самим господом богом... они в учении не нуждаются Дворянину и буржуа (в Англии к этому времени произошло в известной мере слияние этих эксплоататорских разновидностей) образование нужно было, как организаторам производства и управления Их поэтому и учат. Промышленному капиталисту мануфактурного периода нужен был искусный «детальный рабочий», искусный ремесленник,—Свифт поэтому с одобрением отзывается об обучении их ремеслу. Тогдашние же земледельцы и рабочие участвовали в процессе производства, не требовавшем от работников искусности, умственного развития, знаний,—буржуазия и считала ненужным просвещение для широких масс.

Эпоха машинного капитализма породила для капиталиста надоб-

ность в грамотном рабочем—такой рабочий лучше справляется с машиной, труд его производительнее. Машинному капитализму нужны значительные кадры не только «офицеров», но и «унтер-офицеров производства» (Маркс), не только образованные инженеры, архитекторы, директора, бухгалтера и т. д, но и хорошо грамотные (в особенности технически грамотные) мастера, штейгера, конторщики, счетоводы и т. д. Это создает для буржуазии потребность в более или менее квалифицированной рабочей силе, в рабочих, обладающих разными степенями умственной квалификации. Для огромного большинства трудящихся достаточно грамотности, для управляющего «середняка» нужна повышенная грамотность, для «офицеров производства»—солидное образование. По этой потребности капиталистической буржуазии ориентируется и буржуазная школа, и книжная продукция,—книжные шедевры для немногих и целые потоки дешевенькой как по содержанию, так и по оформлению и цене—литературы для «народа»...

Резюмируя все сказанное нами о социальной роли книги до пролетарской революции, мы можем установить, что эта роль была разнообразна: 1) потребительной ролью для определенных слоев господствующих классов; 2) ролью орудия затемнения сознания трудящихся масс; 3) ролью орудия управления хозяйством и государством для высшего слоя буржуазного общества; 4) ролью подготовки рабочей силы для капиталистического процесса производства с целью максимальной ее эксплоатации. Книга для трудящихся масс была той школой, в которой эти массы вышколивались как о б ъ е к т ы эксплоатации.

Пролетарская революция совершила глубокий переворот в материальных отношениях производства и вместе с этим глубоко изменила социальную роль книги. Утвердив диктатуру пролетариата, опирающуюся на союз рабочих и крестьян, революция превратила трудящихся из наемных и «самостоятельных» рабов производственного процесса в его организаторов, из объектов капиталистического способа производства в субъектов социалистического хозяйства. Книга не должна научить рабочих и всех трудящихся как работать, чтобы давать максимум прибавочной стоимости в той или иной форме своим классовым угнетателям, а как управлять производством, как поднимать его на более высокие ступени, как строить новое хозяйство в интересах всего трудящегося человечества. Книга

должна научить и как работать с пользой для дела, ибо субъект производства и его объект сливаются в одном лице, сочетаются «в величайшей производительной силе, в самом революционном классе» (Маркс), который отныне и управляет производством и служит ему, ибо сам же и работает. Книга должна научить управлять и работать—это значит, что она должна оформить культурную революцию, которая в основном заключается в том, что она ликвидирует все идеологические остатки былого рабского состояния и подготовляет трудящиеся массы для роли управления и максимально производительного труда.

В чем находит свое выражение этот перелом, совершенный пролетарской революцией и углубляемый диктатурой пролетариата? Он находит свое выражение как в количестве книжной продукции, так и в качестве ее. Все книги всем трудящимся—таков девиз, такова одна из важнейших задач пролетарской революции. Конечная цель пролетарской революции есть построение коммунизма. Коммунистическое же общество, высшую фазу коммунистического общества мы будем иметь лишь тогда, когда,—как говорит Маркс в «Критике Готской программы»,—«исчезнет порабощающее человека, подчинение его разделению труда, вместе с тем исчезнет также противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни, когда со всесторонним развитием отдельных личностей вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком». Ясно, что раз граница между разными видами труда и разными группами населения стирается, то стирается и грань между разными книгами, нужными разным группам. В коммунистическом обществе не может быть отдельных книг для рабочих, отдельных для крестьян, особенных для высших классов и т. д. Некоторая разница будет определяться только природными различиями (возрастами читателей и учащихся) и отчасти читательскими вкусами (о которых нам сейчас трудно составить себе представление), но не будет совершенно разницы, вызываемой социальным состоянием, разделением труда, прикреплением человека к определенной профессии, культурным уровнем, который в буржуазном обществе у одних классов низок, у других высок и т. д.

Раз все книги всем трудящимся, раз каждое литературное творение (на какие высоты человеческого мышления, знания и твор-

чества оно ни поднималось бы) должно быть доступно для всех желающих ими пользоваться, то ясно, что книг нужно великое множество. Всякая революция (см. ниже глава IV) вызывает рост количества книжной продукции; пролетарская же революция должна сделать этот рост почти беспредельным.

Еще более чувствительную перемену должно претерпеть качество книжной продукции. Осуществление коммунизма сопряжено с отмиранием огромной массы прежних форм социальных отношений (государства, остатков прежних классов, форм неравенства в распределении и т. д.). Вместе с этим отмирают и старые дисциплины и науки и значительная масса тем для книг... Правовые науки, политэкономия, религиозная и антирелигиозная литература и многие другие виды литературы сделаются ненужными. Зато появятся темы и знания, о которых мы сейчас и не можем подозревать, темы и знания, означающие главным образом, если не исключительно, великую, беспредельную власть человека над природой, но не человека над человеком... Но и в эпоху диктатуры, в эпоху *перехода* от капитализма к социализму и коммунизму, мы имеем новое качество книги. Мы это новое качество имеем не только в новом, пролетарском истолковании как явлений природы, так и общественных явлений, не только в марксистском диалектическо-материалистическом освещении всех вопросов, но и в характере тем и вопросов, трактуемых в тех или иных книгах. Ниже (в главе III) мы покажем, как новое идеологическое содержание неотступно проникает в нашу книгу и как марксистско-ленинское диалектическо-материалистическое понимание воплощается в нашей книжной продукции и совершенно изменяет ткань этой продукции. Мы, к сожалению, не имеем еще таких серьезных библиографических работ, которые дали бы анализ состава советской книжной продукции по содержанию, по темам[1]), мы уверены, что такой анализ показал бы нам, что уже сейчас колоссальная масса старых тем отмерла и что народилась значительная масса новых тем. По крайней мере, наши энциклопедии— главным образом Большая Советская Энциклопедия и Малая Со-

---

[1]) Мы об анализе состава советской книжной продукции будем говорить ниже в главе V, этот анализ, однако, будет останавливаться на более крупных обобщениях, чем темы, на *видах* литературы. Этого уже окажется достаточным, чтобы в общих чертах показать нам картину значительного изменения качества продукции.

ветская Энциклопедия, которые, как всякие энциклопедии, дают читателю те понятия и знания, которые отражают интересы эпохи, включили новых слов до трети всего своего словника и исключили из старых словников от $^1/_3$ (в БСЭ) до $^2/_3$ (в МСЭ). Огромная масса старой буржуазно-феодальной словесной трухи (значит и старых тем, старых понятий и интересов) выметена метлой революции. Огромная масса понятий и интересов революцией отчасти создана, отчасти выдвинута на передний план. Энциклопедия—это уменьшенная копия с картины всей книжной продукции. Надо думать, что из этой продукции выметено не мало старого и что в эту продукцию включено не мало нового.

Между количеством и качеством нет разрыва—одно переходит в другое. В самом деле, разве мы не получаем другого идеологического качества, если «Капитал» Маркса, расходившийся у нас до революции в сотнях и небольших тысячах, расходится теперь в сотнях тысяч! Или не говорит ли нам о том, что высокие умственные интересы сделались интересами уже более широких кругов, тот факт, что пятитысячный тираж «Логики» Гегеля расходится в несколько дней, что «Современный капитализм» Зомбарта в несколько дней, что разошлось до 11 тысяч экз. сочинений Дарвина, до 200 тыс экз большого «Коммунистического манифеста» и т. д.?

Старые авторы и старое научно-литературное творчество дают совершенно иной качественный эффект, если книга попадает в руки новой и значительно расширившейся народной читательской массы. Берем на выборку несколько авторов, писавших до революции и выпущенных после революции Гизом:

Ленина разошлось	113	млн.	экз.
Сталина »	около 4	»	»
Бухарина »	до $2^1/_2$	»	»
Маркса и Энгельса разошлось.	0,7	»	»
Плеханова разошлось	0,7	»	»
Толстого »	до 4	»	»
Горького »	» 4	»	»
Пушкина »	» 1	»	»

Находят себе аудиторию различные авторы—Каутский, Лафарг, Фейербах, Ламетри, Гольбах, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Чехов, Короленко, Серафимович и многие другие старые авторы. Пролетарские мыслители—Маркс, Энгельс, Ленин и др.—сделались

(или вернее делаются) действительно пролетарскими (т. е. доступными широким пролетарским массам) только после Октябрьской революции. «Национальные» писатели в роде Пушкина, Толстого и др. делаются действительно народными только тогда, когда пролетариат возглавляет народные массы в их борьбе за лучшую жизнь, в их творческих усилиях по построению нового хозяйства и нового общества.

Советская книга существует каких-нибудь десять лет, она, конечно, не успела ответить на все вопросы, выдвигаемые теорией и практикой пролетарской диктатуры, она еще не поставила всех вопросов и не наметила всех путей их разрешения, но она уже выявила свою социальную сущность, свою социальную роль. Эта сущность и эта роль—быть в руках пролетариата мощным орудием построения социализма и коммунизма, орудием политического и технического просвещения трудящихся масс, строющих небывалый в истории мир свободного труда.

II. ЕДИНСТВО ИДЕОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ В СОВЕТСКОЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Советская книга появилась задолго—почти за полтора года—до возникновения Госиздата Издательская деятельность Советов началась уже в первые дни великой пролетарской революции. Несмотря на огромные, нечеловеческие трудности, создавшиеся ожесточенной гражданской войной, Советская власть вызвала к жизни вскоре после Октябрьского переворота ряд новых, партийных и ведомственных издательств. Партийное издательство «Прибой» и «Коммунист» (существовавший еще до революции под названием «Жизнь и Знание»), издательства ВЦИК и Московского и Петроградского Советов и издательские отделы некоторых Наркоматов (в особенности литературно-издательский отдел Наркомпроса) выпускали рядом с книжками агитационного и боевого характера и серьезные и большие работы Маркса, Энгельса, Каутского, Меринга, Лафарга, Жореса, Кунова и т. д. Были выпущены по баснословно дешевой цене русские классики—поэты, беллетристы, публицисты. Пушкин, Гоголь, Жуковский, Крылов, Никитин, Помяловский, Салтыков, Успенский, Чехов, Гончаров, Тургенев, Герцен, Островский и многие другие благодаря усилиям советской власти должны были сделаться доступными всему народу Герцен вышел в 22 томах. В новом издании вышел Некрасов. Предпринимались даже художественные издания, московский журнал по искусству «Творчество» отводил в издаваемой им серии «Кому ставит памятники Советская власть» видное место биографиям революционеров в искусстве.

Несмотря, однако, на то, что «издательская деятельность советов началась до возникновения ГИЗ'а, задача хозяйственного и идеологического единства в издательской промышленности начала осуществляться только тогда, когда возник ГИЗ. По суровым условиям тогдашнего времени, сдерживавшим грандиозный культурниче-

ский размах пролетарского государства недостатком бумаги, отсутствием топлива для типографий, приостановкой работы многих полиграфических предприятий, нехваткой самых разнообразных материалов полиграфического производства [1]) и т. п., хозяйственно-объединительная деятельность ГИЗ'а на первых порах сводилась главным образом к регулированию планов ведомственных издательств с точки зрения расходования скудных печатных ресурсов советской страны. ГИЗ, таким образом, не упразднил окончательно ведомственных издательств, он только регулировал их деятельность. Это регулирование было нелегким делом, так как ведомства стремились толковать свои издательские функции в расширительном смысле и ГИЗ'у приходилось воевать за каждый клочок бумаги. Это тем не менее положило конец безудержной издательской разрозненности догизовского периода, это обуздывало стихию бесконтрольного и бесплановой расходования скудных средств, это положило начало объединению хозяйственного руководства в издательской промышленности. Мы говорим «начало» потому, что задача хозяйственного единства в издательском деле не была окончательно разрешена ни на той узкой экономической основе, какую имел ГИЗ в эпоху военного коммунизма ни на более широкой основе нэп'а. В 1921 г. ГИЗ почти завершил свою победу над ведомственными издательствами и их центробежными тенденциями и тем не менее он еще 11% своих названий предоставлял ведомственной литературе. Эта эпоха не только не покончила с частными издательствами, но и дала почву для возникновения ряда частных издательств новейшей «советской», формации (мы об этом ниже будем говорить подробнее). Экономическая история издательского дела при нэпе развивалась и развивается—как мы видим ниже—в сторону фактического объединения издательской экономики, но дело это еще далеко не закончено...

---

[1]) В наиболее мощных типографиях в 1919 г. работало не больше 25—30% машин из-за отсутствия капитального ремонта. В этом же году производство бумаги равнялось $1^1/_2$ миллиона пудов всех сортов и видов, между тем, как потребность в бумаге в 1919 году выражалась в 22 000 000 пуд. из которых 25% приходилось на книжную и газетную печать. Не хватало печатной краски, гарта, цинка для клише, почти совершенно отсутствовала пальцовая масса, прекратилось за отсутствием материалов стереотипное дело. О возобновлении технического аппарата и каких-нибудь технических усовершенствованиях в это грозное время не могло быть и речи.

Можно таким образом с полным основанием сказать, что ГИЗ положил конец идеологической бесплановости и разрозненности первых лет революции и положил начало единому идеологическому руководству в области книжной печати. Уже в первый период своего существования ГИЗ создает сильный агитационно-пропагандистский отдел рядом с научным, научно-популярным и художественно-литературным отделами. Идеологическим органом, направлявшим всю работу ГИЗ'а, являлась центральная редакционная коллегия во главе с заведующим издательством В. В. Воровским. В состав этой коллегии входили лучше наши писатели и ученые Н. И. Бухарин, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, В. И. Невский. В эту пору ГИЗ выпустил под своей маркой 250 названий, с общим количеством экземпляров не меньше 10 млн. Тиражи были огромные—10, 20, 50, 100, 200 и даже 400 тысяч. В 1920 г. число названий достигло 623, а в 1921 г.—770. К концу эпохи военного коммунизма ГИЗ превращается в издательство в точном смысле слова. Об успехах в разрешении задачи идеологического единства в области печати в эпоху нэпа мы будем подробно говорить ниже, но уже теперь мы можем констатировать бесспорный факт, что в борьбе за это единство ГИЗ сыграл немаловажную роль. Выполняя бо́льшую половину книжной продукции и обслуживая наиболее важные участки идеологического фронта, ГИЗ как в области производства книги, так в особенности в области ее распространения сделался—наряду с партийно-советской прессой—самым мощным фактором насыщения различных слоев читательской и учащейся массы духом того идеологического единства, которое выковывается и с каждым годом все тщательнее оттачивается партией и пролетарским государством.

После всего сказанного для нас ясно, что в до-гизовский период мы имели дело с издательской стихией, т. е. с тем, что характерно для революции вообще, а после возникновения ГИЗ'а—с элементами плана, организованности и идеологического и экономического единства, т. е. с тем, что является специфической особенностью Советской власти как формы диктатуры пролетариата. Для нас ясно, что с советской издательской деятельностью мы имеем дело лишь постольку, поскольку она осуществляет в форме книжных изделий единую идеологию. Как важнейшая функция диктатуры пролетариата, как важнейшие проявления куль-

турного творчества передового революционного класса, возглавляющего трудящееся общество в его борьбе за лучшее будущее, печать отражает тот дух единства задач и целей борьбы и строительства, которыми проникнут пролетариат, как класс. Единство идеологии и величайшая ее выдержанность—вот тот основной признак, который отличает пролетарскую печать, советскую издательскую работу от печати и издательской работы в капиталистических странах. В этом отражается разница в социальном бытии пролетариата и буржуазии, которые, как установил еще Маркс, отличаются друг от друга между прочим и тем, что пролетариат по своим интересам является классом единым и нераздельным, а буржуазия—классом, раздираемым противоречиями интересов разных его групп и индивидумов, их составляющих. История буржуазной печати нам красноречиво рассказывает о том, что разные буржуазные группы тратят не мало денег и средств (материальных и интеллектуальных) на печать как орудие идеологического влияния на массы. Она говорит нам, что по мере роста и развития капитализма росли и расходы буржуазии на печать. И это вполне понятно—печать, как и многие другие орудия буржуазной демократии, зачастую становилась в руках господствующих классов более мощным и в то же время более дешевым инструментом подчинения сознания масс интересам этих классов, чем полиция, жандармерия, армия, война и т. д. Буржуазия слишком опытный класс, чтобы не пользоваться таким сильным оружием. Однако, поскольку между разными группами буржуазии, между разными социальными слоями господствующих классов, кипит вечная борьба, печать буржуазии не могла и не может быть проникнута духом идеологического единства. Во Франции, в Германии, в Америке и в ряде других стран печать находится часто в руках разных капиталистических трестов, а разные органы печати сплошь да рядом субсидируются разными капиталистическими фирмами и объединениями. И если что нибудь объединяет все эти органы, так это вражда к подлинно пролетарской идеологии и борьба против подлинной пролетарской печати. Это, так сказать, негативное сходство, в положительных же своих задачах разные органы печати и разные виды книжной продукции отражают целый спектор разных интересов.

Госиздат положил начало подлинно-советской издательской работе не только с точки зрения определяющего характер советской

продукции идеологического единства, но и с точки зрения общего идеологического содержания книжной продукции. До возникновения ГИЗ'а издавались главным образом—можно было бы сказать исключительно, если бы не отдельные, немногочисленные брошюры и книги чисто советского происхождения—перепечатки старых книг, созданных еще в эпоху дворянского и затем помещичье-капиталистического господства, бралось как мы видели выше все лучшее, все, что было в буржуазной культуре наиболее талантливого, наиболее полезного для пролетариата и трудящихся, как богатое наследие прошлого. Пролетариат не отказывается от хорошего буржуазного наследства и в идеологической области. Он подобрал, например, из того праха, куда буржуазия повергла, когда она становилась реакционной, такое смертоносное оружие ее прежней борьбы с феодальным миром, как материализм. Он воспринял великое учение, созданное еще буржуазными учеными, но отринутое буржуазией—дарвинизм—и сделал его одним из важнейших элементов пролетарского мировоззрения. Ленин на 8 съезде партии говорил, что не из чего строить коммунизм, как только из капитализма; он имел в виду не только его высокую технику и его более совершенные способы производства, но и его научные достижения, лучшие из его литературных форм, его лучших авторов, многие из его оформленных дисциплин и т. д. Это все хороший материал, из которого можно строить новую культуру, и недаром Ленин жестоко разделался с пролеткультовскими—богдановскими стремлениями «оградить» пролетарское строительство от хорошего буржуазного наследства. Можно поэтому сказать, что первые издательские начинания до-гизовского периода, направленные к воспроизводству лучших старых авторов, были совершенно правильными с точки зрения интересов революции и культуры. Нельзя все же сказать, что это давало те идеологические ценности, которые специфически характерны для советской культуры как таковой. Советской по идеологическому содержанию литература становится только тогда, когда и старые унаследованные формы, и вновь созданные эпохой революции наполняются совершенно новым социальным содержанием. Литература, как наиболее тонкое и чувствительное орудие идеологии, более всего нуждается в полном обновлении, в полном перерождении своей ткани. В «натуральную форму» капитализма, созданную системой материальных орудий труда, можно сравнительно лег-

ко влить новое социальное, пролетарское, содержание. Те же фабрики, те же паровые молоты, те же механические орудия, те же электрические установки, те же мосты и каналы, те же средства сообщения и т. д.—все это в течение известного времени может служить строительству социализма. Мы говорим «в течение известного времени» потому, что и материальная база социализма, и техника, и энергетика с течением времени становятся совершенно иными, поднимаются на более высокую ступень, чем материальная база, техника и энергетика капитализма. Когда же речь идет об идеологических орудиях, то ясно, что они немедленно должны стать иными, чем у буржуазии, ясно, что и самый идеологический материал должен быть создан заново, а тот старый идеологический материал, который берется у буржуазного прошлого должен быть переработан в новое идеологическое изделие. Вспомним хотя бы старое буржуазное идеологическое оружие—материализм. Пролетариат его не механически воспринял от буржуазии—он его переработал в свое идеологическое оружие—в диалектический материализм. На нашем издательском языке это означает, что с советской идеологией мы имеем дело лишь тогда, когда мы выпускаем книги или с совершенно новым содержанием (марксистско-ленинским) или же, если мы выпускаем старых авторов, то в таком идеологическом оформлении, какое способствует претворению воспринятых знаний в пролетарское сознание. Если мы примерно выпускаем великих буржуазных материалистов или экономистов (Дидро, Гельвеций, Смит, Рикардо и т. д.), то мы должны их снабдить такими поясняющими предисловиями, примечаниями и другими «аппаратными» приложениями, какие дает Институт Маркса и Энгельса.. В учебниках и учебных пособиях, в естественно-научной и научно-популярной литературе, в художественных произведениях, словом во всем, что предается тиснению, должно сквозить это новое идеологическое содержание. Само собой понятно, что речь идет тут не о навязывании идеологии, не о пристегивании ее, а об органической ее связи со всеми советскими научными и литературными творениями. Нет такой области человеческого знания, опыта и деятельности, где марксизм и ленинизм не давали бы наиболее совершенные орудия познания...

Анализируя послеоктябрьскую историю издательского дела у нас под этим углом зрения, мы должны будем признать, что ГИЗ впер-

вые направил усилия по пути создания новых идеологических постей, что он первым приступил к изданию как классиков маркизма (Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина и др.), так и агитационной и научно-популярной литературы, долженствующей охватить все моменты пролетарского мировоззрения. Особенно грандиозным издательским начинанием ГИЗ'а в первые годы его существования—в суровые годы гражданской войны—было предпринятое им издание сочинений Ленина. Не надо забывать, что не только к изданию, но и собиранию сочинений Ленина было приступлено в эти годы впервые. Это была благодарная, но почти превышающая человеческие силы работа. Собирать все работы Ленина, разбросанные в книгах, журналах, газетах, прокламациях, листовках, резолюциях и т. д. (весьма часто к тому же без подписей автора) это работа не менее трудная, чем построить огромное здание из камней, которые не подвозятся заблаговременно, а тут же в горячке строительной работы, добываются из крепких недр земли, в которых эти камни скрыты.

Все это, конечно, было только началом, даже скромным началом великой новаторско-пролетарской идеологической работы. В области научной литературы, которая кстати и издавалась то в скуднейших пропорциях, мы в первые годы существования ГИЗ'а не могли бы нащупать и этого скромного начала. В области же научно-популярной литературы мы сейчас, ознакомляясь с изданиями военно-коммунистического периода гизовской жизни, можем отметить сравнительно хороший качественный отбор наиболее ценных работ из старой литературы. Этот отбор должен был быть особенно суров, так как старая литература, часто гоняясь за внешней занимательностью, в значительной мере страдала, недопустимыми упрощениями, сантиментальностью, вульгарностью, антропоморфизмом и пр В частности именно наиболее ходкие прежние авторы (Рубакин, Лункевич, Бельше) не выдержали испытания; счастливее оказались (помимо конечно, классиков популяризаторов, как К. А. Тимирязев, И М Сеченев, И. И. Мечников, М. К. Богданов) Ю. Вагнер, А. П. Нечаев, В. И. Львов, С. Порецкий и др. Но и они были пущены в печать лишь после тщательной редакционной работы, устранившей различные недочеты и дополнившей их новыми данными науки. Одновременно с этим было приступлено к созданию новой научно-популярной литературы, развивавшейся чем дальше тем больше.

Итак, начала и тенденции, которые были положены советской властью, в лице главным образом ГИЗ'а, в основу идеологической работы нашей издательской промышленности, мы имеем право считать подлинно советскими как с точки зрения стремления к установлению идеологического единства, так и с точки зрения начинаний направленных к наполнению издательской продукции подлинно советским идеологическим содержанием. Можем ли мы установить такие тенденции и начала в экономической области? Можем ли мы установить, что помимо установленного нами выше стремления к хозяйственному единству Советская власть стремилась заполнить издательскую экономику действительно советским содержанием? Да, мы это можем утверждать, мы можем установить, что тенденции советской экономики особенно ревниво прививались в издательской промышленности.

В самом деле, в чем выражаются характер и содержание советской экономики и чем они отличаются от характера и содержания капиталистической экономики? В том, что советская экономика стремится: 1) к производству раньше всего и больше всего продуктов (или, как еще говорят, потребительных стоимостей) и 2) к производству их в таком количестве, какое в состоянии удовлетворить все потребности населения и хозяйства. Это роднит советскую экономику с социализмом, ибо социализм есть производство потребительных стоимостей для всестороннего удовлетворения потребностей всего трудящегося общества. Это резко противопоставляет советскую экономику капиталистической, ибо капиталистическое производство ставит своей задачей вовсе не производство благ, а производство прибавочной стоимости. Капиталист «производит стоимость поскольку производит прибавочную стоимость и потребительную стоимость поскольку он производит стоимость». Капиталист, следовательно стремится не производить возможно больше, а получать возможно больше и там, где он это по обстоятельствам в состоянии делать, он производит возможно меньше и по наиболее высоким ценам. Советская же экономика, как в моменты военного коммунизма, так и в эпоху нэпа, ставила своей задачей производство и распределение наибольшего количества благ. В эпоху нэпа это может осуществиться при помощи низких цен. Поэтому, в противоположность капиталистической экономике советская экономика ставит своей задачей низкие цены во что бы то ни стало.

Посмотрим теперь как эти тенденции советской экономики проявлялись в издательской работе. Издания 1918 г. выпускались в огромных тиражах и по таким низким ценам, которые едва ли покрывали себестоимость. Фактически это было близко к бесплатной раздаче литературы. Такая бесплатная раздача совершалась и формально уже в течение 1920-21 гг. (через «Центропечать») в эпоху наивысшего расцвета военного коммунизма в издательском деле. В эпоху нэпа советская экономика издательского дела ищет разрешения социалистических задач при товарном хозяйстве в низких ценах на книги, сопутствующих низкой себестоимости.

Идеология и экономика представляют разные полюсы издательской оси—они имеют каждая свою особую логику и свои особые пути Между ними нет тождества, но между ними однако существует крепкое диалектическое единство. Идеология и есть то, что в форме книг удовлетворяет особые духовные—умственные и идейные—потребности. Она представляет общее содержание огромной массы книжных потребительных стоимостей; советская же экономика есть средство производства этих потребительных стоимостей и распределения их среди возможно более широких масс. Идеология и экономика у нас, следовательно, связаны между собой как цель и средство. Это единство идеологии и экономики является наиболее характерной чертой советского издательского дела, резко отличающей его от капиталистической издательской промышленности. Капиталисты, как мы говорили выше, тратят не мало денег на печать не только газетную, но и книжную. Капиталист, однако, в этих случаях выступает не в качестве капиталиста-издателя, а в качестве представителя определенной буржуазной группы, организующего политику.

Если газета или определенный род книжных изданий содержатся или субсидируются банковской кампанией, трестом или синдикатом, то это не является их предприятием или хозяйственным начинанием. Прибавочную стоимость во все растущих размерах они извлекают другими путями, посредством другой, не издательской деятельности; на печать же они тратят деньги, как на средство сохранения своего господства или завоевания влияния на государственный аппарат, что должно им гарантировать возможность эксплоатации в той хозяйственной области, в которой они «работают». Они подкармливают газету или издательство с таким расчетом, с каким они подкупают министров, тратят огромные средства на фаль-

сификацию выборов в парламенты и другие представительные учреждения, фабрикуют фальшивки с целью компрометирования СССР и т. д.

Мы не можем вспомнить без чувства благодарности некоторых буржуа, дававших в свое время средства на революционную печать (в частности Калмыкову, субсидировавшую Ленинскую «Искру») и оппозиционные издательства, но в массе эта меценатско-издательская деятельность (Парамонова, кн Кугушева, Мягкова, Солдатенкова и др.) являлась средством завоевания для буржуазии неограниченной политической власти Там же, где буржуа занимается издательской деятельностью как основной «профессией», он обнаруживает полное равнодушие, а то и неподдельный цинизм по отношению к вопросам идеологии.

Издавать то, что можно выгодно продать—вот закон буржуазной издательской предприимчивости. В Америке сплошь да рядом один и тот же издательский трест организует производство книг самых различных политических и научных направлений. В таком тресте каждой партии и каждому направлению как бы отведена особая полка. Примерно такую же картину мы наблюдаем во всех странах в области как газетной, так и книжной печати. Наблюдалось это и у нас—даже «идейные» и «либеральные» издательства выпускали довольно пестрый по идеологическому содержанию ассортимент,—«Просвещение», например, выпускало рядом с марксистской «Историей германской социалдемократии» Меринга, национально-либеральную «Историю человечества» Гельмольта (утверждавшую, что «фактическое управление находилось в руках Марата и прочих босяков»). Наряду с серьезными научными работами в роде Неймайера, Кернера, фон-Мерилауна, Ранке и т. д., выпускались «клубничные» издания в роде «Мужчины и женщины» и т. д. «Общественная польза» выпускала работы социалдемократического, кадетского и мирнообновленческого направлений. «Гранат», печатал авторов с амплитудой колебания от графа Гейдена до В. И. Ленина. То же самое мы видим и у Брокгауза—Ефрон и у др. Особенный цинизм в этом направлении проявляло «Новое Время».

Советская издательская промышленность не знает,—поскольку она советская в подлинном смысле этого слова,—такого разрыва между идеологией и экономикой. Если бы советское издательство выпустило какую-нибудь порнографическую книгу, и если бы такая

книга нашла бы хороший сбыт (у нас до сих пор не мало еще любителей «клубнички», то это было бы посрамлением не только советской идеологии, но и советской экономики, поскольку последняя ставит своей задачей дать трудящемуся населению и народному хозяйству вещи полезные и способствующие здоровому росту и развитию. Советская издательская экономика есть экономика, поскольку она стремится к самоокупаемости, безубыточности и даже к прибыли—такой прибыли, которая обеспечивает устойчивость производства и расширенное воспроизводство. Но прибыльным или безубыточным она стремится сделать то, что полезно, то, что идеологически выдержано и необходимо Прибыль не является целью, она является средством создавания идеологических ценностей советское издательство не может выпускать те или другие книги только потому, что они прибыльны. Оно их выпускает только потому, что они идеологически (в широком смысле этого слова) полезны, а раз оно их выпускает, оно стремится их сделать прибыльными или хотя бы безубыточными. В известных случаях оно их выпускает и тогда, когда они неизбежно убыточны, стремясь покрывать убыток из прибылей по другим изданиям (или из государственных средств, специально на эти издания отпускаемых). Экономическая политика советского издательства и его пути экономического маневрирования подчинены одной цели—дать хорошую и нужную книгу и сделать ее доступной для наиболее широких кругов трудящегося населения.

До сих пор мы говорили о принципах и тенденциях советского издательского дела (и наиболее крупного его представителя—Госиздата). Какова, однако, была практика нашей издательской промышленности? В какой мере она осуществила эти принципы, что ей остается еще осуществить? Ответы на эти вопросы послужат предметом следующих глав.

III. ЗАДАЧИ ЕДИНОГО ОРГАНИЗОВАННОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА.

Важнейшим из основных начал советской издательской деятельности является, как мы уже объяснили выше, идеологическое единство издательской продукции. Осуществляли ли мы этот принцип идеологического единства и что мы успели осуществить в этом направлении?

Для нас ясно, что достигнуть единства идеологии можно только при едином руководстве печатью, а последнее осуществимо только при том условии, если оно организовано, если оно имеет единый руководящий центр. Этим руководящим центром в области идеологии является в пролетарском государстве, руководимом партией пролетариата, ЦК нашей партии. Хотя ЦК партии руководит всей государственной и хозяйственной работой трудящихся масс, хотя партийное руководство проявляется во всех областях строительства, но печать есть та область, в которой партийное руководство должно выражаться не только в общих директивах и в подборе руководящего персонала, но и в непосредственном воздействии на всю оперативную работу «идеологической фабрики»—на составление редакционных планов, на процесс решения издательских задач, на политику тиражей и цен и т. д.

Такое глубокое, единое и всестороннее руководство предполагает единство хозяйственной основы. Идеологическое руководство множеством разных хозяйственно-издательских организаций не может не быть крайне слабым и на практике оказывается гораздо слабее, чем при руководстве единой хозяйственной организацией, которая сосредоточивает в своих руках производство всех идеологических ценностей, всего книжного ассортимента, и на которую можно направить идеологическое воздействие партийных центров целиком, безраздельно. Мы думаем, что с идеологической точки зрения объеди-

нная издательская промышленность является идеалом. И вовсе не праздным увлечением было стремление создать Госиздат как единое издательство, которое должно стать жизненно действующим органом единого идеологического руководства в области книжного производства. В ту эпоху—в эпоху военного коммунизма пролетарское государство стремилось разрешить великие проблемы сразу, а это значило—создать единый книгопроизводственный центр. Поскольку, однако, во всех областях пролетарского творчества, обеспечивающим успех социалистического строительства оказался путь нэпа, путь «тихой сапы», пришлось и в издательской области поступиться идеальным единством в пользу реального хозяйственного прогресса. Пришлось найти ту форму идеологического руководства, которая могла быть осуществима при данных обстоятельствах—форму внешнего партрегулирования и согласовательных операций.

В послеоктябрьской истории идеологического руководства книжным делом мы можем установить три периода: 1) период до возникновения ГИЗа, когда ни партия, ни какое-нибудь единое издательство организованно не руководили издательским делом в стране; 2) гизовский период 1919—1921 гг., когда ГИЗ в доступной ему степени регулировал всю издательскую деятельность в стране и 3) нэповский период—когда рядом с ГИЗом, перешедшим на путь хозрасчета, действовали ведомственные, партийные, кооперативные и профессиональные издательства, в идеологическом отношении не нормируемые, не руководимые каким-нибудь единым идеологическо-оперативным центром (напр., единой главредакцией), а работающие по директивам ЦК (или других партийных органов—в провинции) и по более или менее постоянным указаниям органов ЦК, ведающих делом печати.

Просматривая списки изданий до-гизовского периода мы тщетно стали бы искать в этой массе книг какого-нибудь признака плана или единой руководящей установки. Тут были марксистские книги (Маркса, Энгельса, Каутского, Меринга и т. д.), но они не только не составляли большей части продукции, но и не определяли ее характера. Из марксистских работ бралось вовсе не то именно, что тогда же нужно было для новой аудитории, рождающейся в муках гражданской войны. Вернее будет, если мы скажем, что тогда издавалось то, чем прежняя интеллигенция, не только революционная, но и оппозиционная, увлекалась в годы борьбы с крепостничеством и са-

сдержанием О методологическом и методическом подходе к выбору авторов и произведений из арсенала старой литературы еще и речи не было. Не только большевизм, но и марксизм не может считаться гранью этой издательской эпохи. Проще дело обстоит с беллетристикой той эпохи. Нового автора еще не было (старые авторы почти все или эмигрировали, или заставляли свою «лиру» молчать...). Издавали старых авторов, в политическом отношении представлявших пеструю мозаику—Гоголь и Горький, Достоевский и Помяловский и т. д.—но заслуживающих, как талантливые авторы—издания Не этот, однако, выпуск,—без плана и установки, без пояснений, включающих эту литературу в систему советского просвещения и пролетарского мировоззрения—может считаться осуществлением, хотя бы частичным, единого идеологического руководства И когда теперь ГИЗу приходится осуществлять грандиозную программу издания классиков уже в плане, отвечающем требованиям идеологического единства, то он не может установить преемственности с изданиями классиков периода 1918—1919 гг.

Историческая справедливость требует упоминания и той агитационной социально-теоретической литературы, что издавалась уже в этот период «Прибой» и «Волна» издавали в это время преимущественно агитационную брошюру, а «Коммунист»—теоретические работы Маркса, Ленина, Бухарина, Каутского, Павловича и др Эта литература, однако не играла первой скрипки в книжной продукции тогдашнего времени.

Научная литература в этот период почти отсутствует «Книжный центр», учрежденный при научном отделе и отделе высшей школы Наркомпроса и ставивший своей задачей способствование изданию научной и учебной литературы, был создан только в 1919 году, накануне основания ГИЗа и вскоре перешел в ГИЗ, в качестве его научного отдела Задачу издания научной и технической литературы ставил себе Главпрофобр и Академический центр при Наркомпросе. Главпрофобр даже создал для этого издательский отдел. Фактическая работа, однако, началась в ГИЗе, который и выпустил несколько книг главпрофобровского происхождения.

О полном и едином идеологическом руководстве в области производства книги может быть речь только тогда, когда в систему этого руководства включен учебник. Овладеть системой воспитания, означает овладеть ключом к переустройству общества на новых началах.

Это знали все великие реформаторы—ведь недаром нет ни одной социалистической системы, которая бы не отводила этому вопросу одного из первых мест. Как же обстояло дело с изданием учебников в рассматриваемый период? Очень плохо Этот период не только не дал нового учебника, нашего советского учебника, но не дал никакого учебника Более или менее серьезная методическая работа и более или менее крупная подготовительная работа к изданию учебников уже началась после этого периода, хотя идея трудовой школы и новые методические, педагогические и педологические теории и увлечения у нас имели место уже в первые годы революции

Продукция второго периода—гизовского периода 1919—1921 гг.—дает картину еще далеко неполного идеологического единства Она далеко еще идеологически неравноценна. Нужно, однако, признать, что в ней уже чувствуется определенная идеологическая направленность, определенная мировоззренческая установка. Ведь в этот период задуманы были издания Ленина, Плеханова и Маркса-Энгельса. Уже одни эти авторы дают богатейший материал для многолетней идеологической работы и для выработки социально-политического мировоззрения Марксизм и ленинизм не только доминируют в гизовской продукции, но и составляют почти всю массу толстых и серьезных книг по вопросам обществоведения.

ГИЗ в эту эпоху предпринимал по вопросам обществоведения не только толстые и многотомные труды, доступные в то время сравнительно узкому кругу марксистской и социалистической интеллигенции, но и ряд популярных изданий, более или менее доступных пониманию широких масс, только что поднятых на поверхность политической и хозяйственной жизни страны Одним из самых крупных начинаний этого рода было издание «Азбуки коммунизма» Бухарина и Преображенского, разошедшейся в сотнях тысяч экземпляров и служившей в это время почти что единственным орудием ознакомления широких масс с идеями коммунизма и с программой партии. Довольно широко выпускалась литература, откликавшаяся на все больные требования эпохи гражданской войны.

Значительно слабее обстояло дело с естественно-научной литературой, признававшейся, конечно, и тогда одним из важнейших орудий выработки марксистского мировоззрения. Уже тогда, как мы об этом говорили выше, был создан специальный отдел для подготовки научно-популярной литературы. Ряд книжек был подготовлен

еще до нэпа и сравнительно многие из них вышли. Более или менее безукоризненны были и направление и методическая обработка этих книжек. Однако, помимо того, что этой литературы было чрезвычайно мало и что она не могла вызвать определенного движения в тех широких массах, на которые была рассчитана,—она издавалась в крайне непривлекательном виде (скверная бумага, бледная печать, рисунки «что сковородой отпечатаны») и т. д. Что же касается серьезной естественно-научной литературы, она была не только удручающе бедна количественно (буквально несколько книг), но и совершенно случайна. Трудно объяснить, например, почему в числе немногих естественно-научных книг, вышедших и подготовленных в эпоху гражданской войны, мы имеем такие издания, как «Ферменты растительного царства» Смородинцева, «Кривые распределения» Лихтина, «Рыбы пресных вод» Берга и т. д. Трудно понять, зачем понадобилось пустить в работу 80-листную книгу Хутыра и Марска «Общая патология животных», когда более скромных изданий по ветеринарии, более близких и нужных, не было. О марксистском подходе к этому вопросу еще, повидимому, не было и речи. Достаточно указать, что выпускался антидарвинист Берг, а Дарвин до создания (уже в эпоху нэпа) Научного отдела даже не проектировался.

В области учебной литературы мы имеем в период 1919—1921 гг. огромную работу методического и подготовительного характера, но результаты в виде книжных изделий были еще крайне скромны, гораздо скромнее, чем результаты начинаний в области серьезной марксистской литературы, где имело место осуществление из намеченных собраний сочинений и трудов хотя и немногих, но зато крупных и важных изданий. Учебники стали выходить только в 1921 году и то в ничтожном количестве—9,2% жалкой гизовской продукции для трудовой и высшей школы!.. Если сравнить это с теперешним временем, когда ГИЗ отводит учебникам больше 30% колоссально возросшей продукции, то станет очевидной вся плачевность гизовской учебно-издательской картины в период военного коммунизма. Станет понятным, почему так встревожено было этим общественное мнение партийных и просвещенских масс и почему в 1921 году возникали в недрах Наркомпроса разные учебно-издательские проекты. Эти проекты колебались между созданием при ГИЗе специального «Отдела издательских работ главков Наркомпроса», который должен был, по мысли покойного замнаркомпроса Литкенса, организовать

издание учебников и научных работ для всех учебных и ученых учреждений Наркомпроса, и сдачей учебников чуть ли не на подряд частным издателям-контрагентам Это последнее, далеко несоветское издательское сознание определялось по существу несоветским издательским бытием—даже то небольшое количество учебников, которые выходили до нэпа, печаталось в огромной своей части издательскими контрагентами Гржебиным, Маковским, Высоцким, Думновым, «Начатками знания» и др Это не только экономически усиливало частно-издательский капитал, но это свидетельствовало об идеологической слабости ГИЗа и вообще тогдашнего издательского дела Мы не имели единства между крайне революционными и передовыми идеями педагогики и педологии, вынашивавшимися в наших просветительных и воспитательных сферах, и издательскими начинаниями, а еще меньше издательскими результатами Этот разрыв сказывался тем, что для новой революционной школы сплошь да рядом издавались старые (а бывало, что и реакционные) учебники

Резюмируя сказанное о втором периоде послеоктябрьской издательской деятельности, можно установить, что в этот период оформлялась идея единого идеологического руководства и возникали значительные начинания по воплощению этой идеи в жизненные формы, но что эта задача не была разрешена в целом или хотя бы в более или менее значительной части. Слишком еще мало времени было, чтобы опыты увлечения могли сложиться в систематическое действие, в ясную деловую программу Кроме того (и это, пожалуй, важнейшая из причин неосуществления единого идеологического руководства в это время) для разрешения поставленной задачи не было материальных данных и предпосылок. Слишком узка была хозяйственная основа, слишком мало было средств, слишком ничтожно было количество продукции, слишком незначительны были силы, отданные издательскому делу Хорошее советское сознание, но еще слабое материальное бытие—такова была историческая трагедия ГИЗа в военно-коммунистический период его существования. К этому надо прибавить еще то обстоятельство, что ГИЗ'у на всем протяжении военно-коммунистического времени не удалось фактически объединить редакционную работу (а значит и идеологическую работу) своих собственных органов. В 1921 г. у ГИЗ'а было 60 отделений, фактически ведших самостоятельный образ редакционной жизни...

Неповский период издательского дела в нашей стране принес

с одной стороны внутреннее редакционно-идеологическое объединение ГИЗ'а, а с другой—выделение из состава гизовской литературы ряда видов, давших материал для издательской деятельности вновь возникавших издательств Уже в 1922 г. сеть гизовских отделений была сильно сокращена, а те отделения, что остались, превращены в торговые отделы. Редакционные функции переходили к Москве и Ленинграду (Ленгизу), который долго вел фактически самостоятельное существование, влившись окончательно в ГИЗ сравнительно недавно—в 1926 г.). Появилось уже в 1922 г главполитпросветское издательство «Красная Новь», появились ведомственные издательства, партийные, кооперативные, нацгизы За эти восемь лет мы были свидетелями процесса расчленения издательского дела на ряд издательских организмов, возникновения огромной массы новых издательств, последние годы мы являемся свидетелями обратного процесса—гибели или вырождения многих издательств и слияния их с ГИЗ'ом. Этот зигзагообразный процесс имеет однако определенное направление—через временное оперативное расчленение издательской деятельности, вызывающее укрепление ее жизнеспособных элементов, притти раньше или позже к издательскому единству на более широкой и высокой основе чем была военно-коммунистическая основа ГИЗ'а в 1919—21 гг. Это—главным образом процесс экономический (о котором мы будем говорить ниже), но он чреват последствиями для идеологического единства и единого идеологического руководства, которое р е а л ь н о осуществляется издательской деятельностью. Процесс разъединения издательской промышленности сопровождался идеологическим разделением труда агитационная литература отходила к «Красной Нови», техническая—к Гостехиздату, военная—к ГВИЗ'у, ведомственная литература к разным ведомственным издательствам и т. д. Госиздат же превратился в эти годы в издательство учебной и «тяжелой» естественно-научной и социально-экономической литературы. В идеологическом разделении труда ГИЗ как будто берет на себя «культурническую» роль, политическую же и профессиональную он уступает другим издательствам. Эта чисто культурническая тенденция особенно резко выражалась в первые годы нэпа, что видно из ниже приведенной сравнительной таблицы за 1922 и 1923 гг , показывающей, как росла специфически гизовская продукция (учебники, научная лит., соц.-эконом. лит.-художественная) в те времена.

Годы	% учебн лит.	% соц.-экон. лит.	% научн. лит.	% худ. лит.
1922	40	15	9,5	9
1923	51	18	10,5	15

Но вот в конце 1924 г. с ГИЗ'ом сливается «Красная Новь» и в недрах ГИЗ'а образуется АПО (агитационно-пропагандистский отдел), который подготовляет издание агитационной литературы Идеологическая роль ГИЗа расширяется Слияние с ГИЗом ГВИЗа и затем «Военного Вестника» делает ГИЗ издателем военной литературы, слияние с ним «Прибоя» расширяет роль ГИЗа по изданию партийной литературы, фактическое слияние с ним издательства «Долой неграмотность» выдвинуло перед ГИЗом задачу издания литературы для ликвидации неграмотности и малограмотности и т. д. Продукция ГИЗа в последние годы не только количественно расширилась и увеличилась, но и качественно изменялась, усложнялась, дифференцировалась. ГИЗ превращался в интегральное издательство, т е. издательство, охватывающее все виды идеологической продукции Процесс интеграции выдвигал перед ГИЗом настоятельную задачу внутренней дифференциации, ибо все виды идеологической продукции значит— разные виды идеологии, значит такое, связанное внутренним единством пролетарского мировоззрения, грандиозное идеологическое разнообразие, какого не обнять, не охватить однородному редакционному аппарату и аморфному хозяйственному управлению. Интеграция ГИЗа и его дифференция это противоположности, между которыми нет разрыва, это противоположности, между которыми существует глубокое идеологическое единство.

Мы не мыслим себе идеологического единства в издательском деле как нечто висящее в воздухе, мы не мыслим этого единства вне единого организационного центра, мы считаем, что этим единым центром должен быть оперативный советский издательский центр, действующий по прямым директивам органов ЦК, ведающих печатью. Мы полагаем, что такое идеологическое руководство будет полнее, гибче, действительнее, чем то, которое мы имеем теперь, чем идеологическое руководство множеством издательств, выражающееся в конечном итоге в регулировании, не проникающем в нутро редакционно-издательской работы, выполняемой этими издательствами. Мы поэтому считаем, что тот стихийный процесс интеграции, который мы имеем, является с идеологической точки зрения здоровым процессом,

ибо он ведет к реальному осуществлению идеологического единства в издательском деле Мы знаем, что с этой идеологической точки зрения важно дополнить стихийный процесс интеграции сознательным проведением внутренней дифференциации редакционных и хозяйственно-оперативных функций Мы, однако, не думаем, что это нужно сделать сегодня же и во что бы то ни стало Наоборот, мы считаем, мусирование процесса объединения, его подталкивание, принудительное его проведение безусловно вредным, ибо мы должны протти некоторые стадии—стадии укрепления идеологически и экономически здоровых издательских образований, которые вольются в будущее единое издательство, в такой момент, когда это будет более всего идеологически и экономически выгодно для пролетарского государства. Для разных издательских образований этот момент разный—для ГВИЗа и «Прибоя» он уже давно наступил, для О-ва «Советская энциклопедия» (которое если не организационно, то экономически тесно связано с ГИЗом) этот момент наступит тогда, когда ГИЗ будет настолько глубоко и целесообразно дифференцирован, что формальное состояние в числе органов ГИЗа не будет мешать идеологической тщательности и тонкой обработке таких изданий, как энциклопедии, словари и справочники. Для ЗИФа и ряда других издательств; у ж е находящихся в орбите ГИЗа, моменты официального присоединения должны быть приурочены к требованиям идеологической и экономической целесообразности, и только целесообразности.

Интеграция и дифференциация являются для нас идеалом осуществления идеологического единства. В этом отношении мы расходимся с некоторыми товарищами, усматривающими целесообразную и необходимую дифференциацию идеологической продукции в «типизации издательств», т. е. в расчленении издательской промышленности на ряд самостоятельных издательских организмов по видам литературы. Ниже, когда будем говорить об экономических вопросах издательского дела. мы будем доказывать несостоятельность такого понимания с экономической точки зрения. Споры и велись главным образом с этой точки зрения С идеологической же точки зрения эти товарищи даже и не спорили, так как они считают аксиомой, что идеологическое качество выигрывает от «типизации», с которой неизбежно связывается и специализация, значит и лучшая отделка книжного продукта, значит и высшее идеологическое качество. Однако, при всей кажущейся аксиоматичности этого положения, наиболее несостоятель-

пой в рассуждениях «типизаторов» является идеологическая сторона. Да, верно, что специализация особенно важна и необходима при производстве идеологического продукта, ибо этот продукт особенно сложен и особенно утончен. Тут важен малейший оттенок, малейшая подробность Тут нужна такая тщательность и такое искусство, на какие способен только специалист, только квалифицированный мастер. Но такая специализация может быть достигнута хорошо организованной внутренней дифференциацией издательства, точнее, редакционного аппарата Типизация для этого вовсе не обязательна—где бы ни находилась хорошая редакция—внутри единого издательства или в отдельном «типизированном» издательстве—она хорошо будет делать свое дело, если она будет специализироваться на определенном виде литературы, членам данной редакции больше всего знакомом, более всего близком А вот для этого, чтобы гарантировать успешность осуществления идеологического единства, вовсе не безразлично—имеем ли мы дело с одним интегрированным издательством или с многими. Для нас ясно, что идеологическое руководство партии и ее ЦК, осуществляемое при помощи единого издательства,—руководство реальное и максимально эффективное, руководство, же осуществляемое через регулирование редакционной работы многих издательств,—руководство скорее номинальное, чем реальное, во всяком случае менее эффективное, более слабое.

Посмотрим каковы пути и результаты идеологического руководства издательским делом в годы нэпа. Слов нет, эти результаты значительно превосходят результаты до-нэповско-гизовского периода Если в период военного коммунизма и в первые годы нэпа часто попадались книги с антисоветским содержанием, с «боженькой» и даже с контрреволюционными изюминками, то за годы нэпа удалось не только отделаться от явно контрреволюционного содержания, но и от анти-марксистских и явно анти-ленинских книг Книга стала, по меньшей мере, идеологически терпимой.

Этот результат был достигнут не сразу. Идеологическая терпимость нашей книжной продукции проделала определенную эволюцию от устранения явно контрреволюционных мест до устранения оппозиционных ересей. Пишущий эти строки помнит хорошо те первые годы нэпа, когда, например, идеологическое обновление учебной литературы выражалось почти исключительно в том, что в старых

учебниках зачеркивались контрреволюционные места и буква «Б» в слове «бог» переделывалась на маленькое «б».

Гранью идеологического единства было «лишь бы не было контрреволюции». Сплошь да рядом автор оставался старый и его книги (в особенности учебники) лишь слегка, с поверхности, даже не переделывались, а подкрашивались Учительство сплошь да рядом давало ход именно старым авторам. Это продолжалось, примерно, до 1923 года В 1924 году мы имеем уже сильно изменившуюся картину—учитель, средний читатель и учащийся не только перестали требовать старых авторов, но во многих случаях, самым решительным образом от них отказывались [1]) Перелом произошел в настроениях самых различных читательских кругов и по отношению к другим видам литературы. Перелом наметился и в творчестве и настроениях авторов—не только появляется и крепнет новый автор, но и меняется, так сказать, стиль старого автора. Марксизм еще фактически не занял того места, которое ему подобает в стране диктатуры пролетариата, но он все же начинает признаваться, как нечто обязательное. Одни его начинают органически усваивать, другие—под него подкрашиваются. Уже давно говорили, что лицемерие это дань добродетели, и даже тот факт, что под марксизм стали подделываться, свидетельствует, что марксизм стал занимать прочное положение в сознании не только масс, но и интеллигенции и литературной братии Дальнейшие годы принесли углубление этого процесса—процесса признания марксизма как единой идеологии, воплощаемой во всех видах литературы. Можно смело сказать, что огромное большинство авторов в различных областях литературы стремится к обладанию марксистским методом, к диалектическо-материалистическому объяснению явлений и т. д. Огромный шаг вперед в отношении приближения литературы к единой советской идеологии выражается не только в количественных пропорциях, не только в том, что большее количество авторов, чем раньше, ищет путей к марксизму, или даже нашли эти пути. Он выражается также и в том, что марксизм глубже, чем раньше, ярче, живее, всесто-

[1]) Летом 1924 г, как раз в разгар подготовительной кампании по закупке учебников, я и Ф И Когар объезжали приволжские отделения Госиздата. Я помню с каким радостным изумлением мы узнавали всюду, что учительство требует новых, революционных, советских учебников. Перелом в пользу советской власти, происшедший в настроениях интеллигенции, особенно сильно отразился на отношении учительской массы к учебной книге.

роннее осваивается нашей литературой. Он осваивается в форме ленинизма. Марксизм—ленинизм—вот где идеологическая грань нашей литературы и издательской продукции. В общем наша литература проделала путь от элементов контрреволюционности через отказ от явной контрреволюции к стремлению утвердить идеологию марксизма—ленинизма. В литературных формах сознания отобразился тот путь, который страна трудящихся проделала от гражданской войны к положительному социалистическому строительству, от разорения и нищеты к бурному росту хозяйства, от борьбы за самое существование советской власти к упрочнению пролетарского государства, как фактора мировой борьбы за социализм.

Этот идеологический успех, который составляет одно из величайших достижений диктатуры пролетариата, не должен нас опьянять, не должен усыплять нашу бдительность и энергию. Успех велик, если мы его будем расценивать по отношению к времени (ведь всего прошлого 7—8 лет нэпа), но он мал и незначителен по отношению к тому, что нам нужно для построения социализма и коммунизма. Ведь мы еще пока имеем только тенденцию,—только стремление к марксизму—ленинизму. Это правильный путь, но все же путь, а не то самое место, куда мы стремимся. И самая тенденция не с одинаковой интенсивностью проявляется в разных областях литературы. В социально-экономической литературе она осуществляется в максимальном размере. В естественно-научной литературе марксистско-ленинская тенденция слабее проявлена, скорее в негативной форме—в форме отказа от идеализма, телеологии, метафизики, чем в позитивной форме, чем в форме диалектическо-материалистического объяснения конкретных явлений природы. Недаром редакция Большой Советской Энциклопедии, имеющая в своем составе наши лучшие литературно-идеологические силы, должна была честно предупредить читателей, что в естественных науках ей не всегда будет удаваться конкретизировать диалектическо-материалистическое понимание. И недаром естественно-научные статьи БСЭ были признаны в прессе очень ценными со стороны фактического материала и не страдающими ничем, что противоречит марксизму... В художественной литературе мы имеем все цвета радуги—различные течения от непролетарских, околопролетарских, попутчицких и до ярко пролетарских. Подводя общий итог нашим идеологическим достижениям в области литературы и издательской

продукции, мы будем близки к истине, если вернемся к данной нами выше оценке,—наша литература, в общем, идеологически терпима. Только в некоторых своих областях литература поднялась на более высокую ступень—до разрешения положительных задач пролетарской идеологии В других областях она не пошла дальше негативного разрешения этих задач...

Впереди еще много дела. Литература должна создать идеологические орудия для всех областей социалистического творчества. Она должна разрешить положительные задачи пролетарской идеологии,— не только оформить общее пролетарское мировоззрение, но и дать способы приложения его по всем областям деятельности и познания Пока мы еще у начала этого пути, но начало у нас хорошее и верное. И возникает вопрос: чему мы обязаны этим хорошим началом—единому ли организованному руководству печатью и издательской работой, или же благоприятной исторической стихии? По совести можно на этот вопрос ответить, что, хотя в этом деле есть и капля руководства, но бочка то тут исторической стихии, ибо дальше внешнего регулирования, дело не шло.

На этом пути—пути внешнего регулирования—Отдел печати (влившийся в 1928 г. в АПО ЦК) оказал значительные успехи. Ему удалось вовлечь в сферу регулирования наиболее значительные издательства, удалось предотвратить немало ошибок и ненужных операций и т. д. Но этого мало, это еще далеко от непосредственного и единого идеологического руководства издательским делом, это далеко от осуществления положительных программ, от создания планов, от установления направляющих начал. И это не случайность, это не плод «неорганизованной воли» это неизбежно при огромной массе издательств. Подлинное единое руководство возможно только на основе единого хозяйства. Когда же имеешь дело с десятками крупных издательств и сотнями мелких дальше внешнего регулирования и согласовательной политики не пойдешь. Чудес не бывает. А внешнее регулирование и согласовательная политика не могут гарантировать от идеологических извращений и отклонений.

Внешнее согласовательное регулирование не давало крупных результатов в смысле устранения вредного параллелизма. Мы не против всякого параллелизма, мы считаем, что на всякую тему может быть написано (а сплошь да рядом полезно, чтобы было написано)

несколько книжек, ибо наилучшая работа по любому вопросу не создается сразу, по предварительному заданию, она отбирается из целого ряда книг. У нас, однако, параллелизм принял явно халтурный характер и он применялся издательствами не в целях улучшения качества книги, не в поисках лучшей формы, а в целях (сплошь да рядом) грубо рыночных В особенности это проявлялось в том потоке «ленинской» литературы, которым издательства залили буквально советскую страну в 1924 и 1925 гг. Сколько там было халтуры, сколько там было грубейших списываний друг у друга, сколько там было безграмотности, сколько там было явно лишних вещей!

Всякий вопрос, встречаемый оживленным рыночным спросом, вызывает поток книг. Замечательно, что при этом, конкуренция между издательствами ведет не к идеологическому улучшению издательской продукции, а к ее ухудшению. Если бы одно издательство выпускало, скажем, перевод какой-нибудь выдающейся иностранной книги, оно могло бы его выпустить большим тиражем и, следовательно, заплатить хорошо за перевод, подыскать хорошего «предисловщика», дать комментарии и примечания и т. д. Но бессмысленная конкуренция между совпартийными издательствами вызывает спешку, стремление поскорей, раньше соперника, выбросить на рынок книжку— поэтому лучшие книги выбрасываются в халтурном и неряшливом виде [1]). Конкуренция у нас принимает часто форму не борьбы цен, а борьбы скоростей. Если капиталистическая борьба цен дает положительные результаты (удешевляет для потребителя продукт), то борьба скоростей приносит только вред, благодаря ей рынок и человеческие мозги наводняются мутными потоками халтуры.

К десятилетию ГИЗа издательская экономика не завершила еще своего процесса эволюции от множества разрозненных издательств к единому интегрированному и диференцированному издательству и не подготовила единой основы для реально единого идеологического руководства. Но процесс этот есть и он развивается в сторону благоприятную для пролетарской идеологии. Это надо помнить и, следуя

---

[1]) Помню, как покойный Ив. Ив. Скворцов-Степанов возмущался тем, что Харьковский «Пролетарий», занимавшийся несколько лет тому назад перепечаткой чужих книг без ведома и спроса издателя и автора, перепечатал первый том «Капитала» со всеми опечатками и промахами и переводе, которые Ив. Ив. устранил из текста при просмотре гизовского издания.

гениальному пониманию Ленина, не итти *против* стихийного процесса (как это делали некоторые товарищи), а внести элементы сознательности в стихию и организовать ее, ввести в русло единого направляющего действия. Это не значит, что сегодня же нужно уничтожить все издательства, кроме ГИЗа, это значит, что на сегодняшней стадии процесса нужно партии и пролетарскому государству опираться, главным образом, на ГИЗ, стремиться сделать его органом партии, ее идеологической фабрикой. Это значит—сделать ГИЗ хребтом издательского дела, а другие издательства—дополнительными к ГИЗу органами. Это значит вести курс на интеграцию издательского дела и дифференциацию редакционной работы, а не на расчленение и распыление издательской промышленности.

С этой точки зрения, и только с этой точки зрения можно приветствовать январьское решение *Совнаркома* РСФСР о рационализации книгоиздательского дела, выражавшейся в организации и укреплении 6 издательств, причем объем деятельности ГИЗа не только не уменьшается, но заметно возрастает. Усиление деятельности Гостехиздата (30 млн. отт.), расширение деятельности вновь образованного Медицинского издательства, реорганизация сельскохозяйственного издательства «Новая Деревня» (20—25 млн. отт.), превращение ведомственного юридического издательства в *государственное* юридическое издательство и, наконец, сосредоточение в «Зиф» современной русской литературы и вопросов литературной теории и истории, все это приводит к сосредоточению идеологической работы в немногих руках и к укреплению тех крупных частей, которые раньше или позже сольются в одно неделимое и дифференцированное целое. Это—процесс образования всякой здоровой ткани...

Если решение Совнаркома будет выполняться неукоснительно, если стихия 1000 издательств будет введена в рамки, если вышеупомянутые издательства будут укрепляться на той основе, которая отведена им решением Совнаркома, а не набрасываться на все, что подвертывается под руку, то объединение издательской промышленности значительно облегчится, а день этого объединения сильно приблизится.

IV. ПРОБЛЕМА КОЛИЧЕСТВА ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОДУКЦИИ (АССОРТИМЕНТ И КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВ).

Нигде так явно количество не переходит в качество, как в области производства идеологических ценностей. Рост производства книг означает не только количественный рост читательской массы, но и качественное ее преобразование, ибо чем больше книг производится, тем лучше они дифференцируются, и чем больше книг читает человек, тем более усложняются его умственные запросы, а это создает потребность в разнообразных книгах, в книгах, отличных по содержанию, характеру, стилю и изложению от той одной книги (какого-нибудь букваря, хрестоматии, политграмоты и тому подобных) или от тех немногих книг, которые он мог осилить на первых ступенях своего развития. На нашем издательском языке мы это можем сказать так: рост количества книг означает не только рост тиражей (вызываемый количественным увеличением читательской массы, расширением круга читателей и потребителей книги), но и рост количества названий, что отвечает качественному изменению читательской массы, усложнению ее запросов.

Это делает объяснимым, почему всякая революция вызывает приток значительной массы названий и экземпляров. Революция не только будит запросы широких масс, значительно большего количества людей, чем раньше, но и усложняет их запросы, вызывая повышенный и даже обостренный интерес сразу к целому ряду проблем, о которых они сплошь да рядом до революции даже и не слыхивали. Великие буржуазные революции не только вызывали увеличение книжной продукции, но и создавали обильную почву для новых идей, новых наук, новых дисциплин, новых областей знания и опыта новых мировоззрений. Огромное оживление в области печати вообще и книжного производства в частности вызвали английская революция XVII века, Великая французская революция XVIII века, революции 1848—49 гг.

в ряде европейских стран. Не только обществоведение, но и естествознание обязано появлением множества книг по этим вопросам великим буржуазным революциям прошедших веков.

У нас мы наблюдали это же самое явление. Революция 1905 года вызвала к жизни 30 тыс названий против 14 тыс названий, вышедших в 1904 г.! Умственное движение, вызванное революцией, обыкновенно не затихает и после революции, если даже последняя не приводит к полному торжеству дела трудящихся. После буржуазных революций в Европе издательская деятельность не ослабевала, а после революции 1905 г. даже усилилась. Начиная с 1908 г. и до империалистической войны наблюдалась такая издательская картина:

Годы	Число названий	Число экземпляров
1908	23 852	93 231 787
1909	26 638	101 466 908
1910	29 057	109 990 500
1911	32 361	123 799 440
1912	34 630	133 591 886
1913	34 006	118 836 713

Империалистическая война не только приостановила движение книжной продукции вперед, но и повернуло его назад. В 1916 г. уже было выпущено немногим больше половины того, что выпускалось в последнем мирном году (18 тысяч названий вместо 34 тысяч), а в 1917 г. значительно меньше половины (немногим больше 13 тысяч названий).

Уже Февральская революция вызвала огромный интерес широких народных масс—рабочих, солдатских, крестьянских—к печати и литературе вообще. Огромными тиражами расходились не только газеты, но и книги, преимущественно, разъяснительная политическая литература. Однако, разруха и хозяйственное оскудение,—наследие проклятого режима и опустошительной войны,—уже давали себя знать, книжная продукция, как мы видели, опустилась до 13 тысяч названий.

Октябрьская революция, поставившая перед пролетариатом и трудящимися массами ряд задач мировой исторической важности во всех областях человеческого творчества,—в государственной, хозяйственной, общественной, партийной, профессиональной и т. д.—создала широкую и всеобъемлющую потребность во всех видах литературы.

Для пролетарского государства и партии пролетариата вопрос о литературном снабжении играл не менее важную роль, чем вопрос о снабжении промышленности хлебом и сырьем, крестьянства орудиями труда и промышленными предметами потребления, Красной армии—амуницией и т. д Государство поэтому напрягало все свои силы, чтобы печатный станок работал не переставая

Выше мы уже говорили о целом ряде издательских мероприятий, направленных во время гражданской войны, к созданию литературы, которая по своему характеру отвечала бы идеологическим требованиям пролетарской диктатуры. Мы видели, что даже в самые трудные моменты для пролетарского государства выпускалась литература по своему качеству, значительно превосходящая качество дореволюционной литературы. Однако, несмотря на все эти усилия, несмотря на то, что у нас действие печатных машин никогда не прекращалось совсем (даже и тогда, когда действие многих других машин совсем прекращалось),—пролетарскому государству не удавалось разрешить проблему количества, для этого нужны материалы, топливо, бумага, исправно действующие машины и т. д, а всего этого не было.

Поэтому мы в первые годы революции, в годы гражданской войны, видим сильный упадок книжной продукции, а уже в первые годы нэпа, т е. как только прекратилась война и для пролетарского государства наступила минимальная возможность более или менее мирного хозяйственного и культурного творчества—быстрый и неустанный подъем вверх

В годы гражданской войны мы имеем такую картину·

1917 г.	13 144	назван.	и	140	млн.	экз.
1918 г.	6 052	»	»	77,7	»	»
1919 г.	3 739	»	»	54,6	»	»
1920 г.	3 326	»	»	33,8	»	»
1921 г.	4 130	»	»	28,3	»	»

Эта таблица показывает, что как раз в гизовский период военного коммунизма,—в период, когда качественно, идеологически продукция улучшилась,—происходило резкое снижение количества—с 54,6 млн. экземпляров до 28,3 млн. Продукция уменьшилась вдвое. Гражданская война ввергала пролетариат и трудящихся в трагическую коллизию между их растущими идеологическими потребностями и падающими материальными возможностями.

Зато почти чудодейственную картину показывает таблица роста книжной продукции [1]) (в названиях и экземплярах) за годы нэпа:

1922 г.	7 843	назван.	и	34	млн.	экз.
1923 г.	10 810	»	»	67	»	»
1924 г.	13 126	»	»	110	»	»
1925 г.	26 320	»	»	278	»	»
1926 г.	28 400	»	»	206	»	»
1927 г.	32 664	»	»	221	»	»

Через два года после вступления в полосу мирной издательской работы, пролетарское государство из глубокого упадка, почти что из бездны, откуда, казалось, нет выхода на свет дневной, поднялось по количеству экземпляров почти до довоенного уровня (в 1923 г.—около 119 млн. экз., в 1924 г.—110 млн.). Еще через год, в 1925 году, советская издательская продукция по количеству экземпляров превосходила продукцию 1913 года в 2,4 раза.

Некоторое снижение количества экземпляров в 1926 г. и 1927 г. объясняется снижением тиражей, вызванным временной депрессией на книжном рынке. Однако, ассортимент, количество названий, повысился.

1928 год принес значительно больше и названий и экземпляров.

Если рассматривать цифры названий и экземпляров с точки зрения их культурной значимости, с точки зрения того культурного эффекта, который дают производство и распространение книги, то растущее количество экземпляров будет показателем расширения круга потребителей книги, круга читателей и учащихся, растущее же количество их названий показывает рост литературной продукции, рост творческих сил. Этот культурный эффект гораздо шире и гораздо глубже, чем это выражает коэффициент увеличения продукции. Этот коэффициент показывает для 1925 года удвоение книжной продукции, значит ли это, что и круг читателей, круг людей, подвергающихся культурному воздействию литературы, увеличивается вдвое? Нет, это значит, если мы вспомним, что круг этот захватывает, главным образом, рабочий класс и трудовые слои, что круг читателей фактически увеличился во много раз по сравнению с дореволюционным кругом читателей, фактических потребителей книги.

---

[1]) Г. Поршнев—Этюды по книжному делу, изд. ГИЗа, 1920 г., стр. 34.

Ясно, что значительная часть прежних покупателей книги, вербовавшихся, главным образом, из состоятельных слоев населения, не читала этих книг, а ставила их на полку, имела их «для мебели»; ясно также, что теперешний покупатель—рабочий, крестьянин, рабфаковец, студент и т. д.—не только сам, что называется, до дыр использовывает купленную книгу,—одна книга сплошь да рядом читается и использовывается массой людей

Некоторое уменьшение количества экземпляров в 1926 и 1927 гг. объясняется временной депрессией на книжном рынке, вызванной перетиражированием ряда изданий. В основе этой депрессии лежала наша издательская неопытность, недостаточное умение ориентироваться в идеологических культурных запросах широких масс, поднятых на поверхность социальной и культурной жизни пролетарской революцией. Поэтому, выходило так, что рядом с перепроизводством в одних областях мы имели недопроизводство в других. И в то время, как наличной книжной массы нехватало, некоторые виды этой массы «затоваривались», оседали на складах и в магазинах и давили на издательскую экономику и вместе с тем, разумеется, и на сознание книжных торговцев и производителей книги... Уменьшение количества экземпляров (значит и тиражей) не должно поэтому быть рассматриваемо как признак культурного упадка,—это продукт политики более осторожного тиражирования, более умелого зондирования рыночной почвы. В 1928 г. продукция в оттисках поднялась до 1 500 млн. оттисков В 1929 г. продукция, несмотря на бумажный кризис, спроектирована на 1 600 млн. оттисков. Впрочем, и эта возросшая цифра, далеко не удовлетворит назревших потребностей, порождаемых ростом школьного строительства, развивающимся процессом ликвидации неграмотности, задачами культурной революции, разными культурническими кампаниями вроде культпохода и т. д). Первый квартал 1929 г. принес огромный спрос на все виды литературы. Этим огромным и выгодным для издательства рыночным требованиям приходится противопоставлять сравнительно небольшие тиражи только потому, что нехватает бумаги.

Для полноты анализа мы должны уяснить себе культурное значение другого количественного показателя,—эволюции количества названий. Тут мы убедимся, во-первых, в том, что оно беспрерывно растет, что оно растет и в те годы, когда количество экземпляров уменьшается. Мы убеждаемся, во-вторых, что послереволюционное

количество названий меньше дореволюционного (около 29 тысяч в 1927 г. против 34 тысяч в 1913 г и 34,6 тыс. в 1912г). О чем говорят эти численные показатели? Первый показатель—рост количества названий, увеличение и обогащение книжного ассортимента,— говорит о росте литературного творчества, об умножении сил авторской среды, словом, о росте производительных сил нашей литературы Поскольку верен экономический закон, что предложение вызывается спросом, ясно, что расширение ассортимента, появление огромной массы книг на самые различные темы, вызывается в значительной мере спросом на уяснение этих разнообразных тем. Это значит, что запросы массы не только увеличились, но и усложнились, что огромная масса людей, удовлетворявшаяся раньше одной какой-нибудь, букварем, политграмотой и т. д., поднявшись на более высокие ступени познания, требует более богатой, более тонкой, более разнообразной умственной пищи Это, наконец, значит, что и самая масса дифференцировалась на различные читательские слои, предъявляющие разнообразный спрос на книгу Подтверждение этого факта, в высшей степени отрадно с точки зрения наших идеологических стремлений, мы имеем, с другой стороны, факт все расширяющегося производства энциклопедий и все расширяющегося на них спроса. Масса жаждет разнообразных знаний—этому удовлетворяет энциклопедия, которая, впрочем, не только не вытесняет других книг, но еще вызывает у широких масс людей, ею пользующихся, живой интерес к новым книгам, поскольку она пробуждает интерес к ряду новых проблем, к ряду новых явлений, раньше остававшихся неизвестными широким кругам читателей

О чем же говорит второй показательный факт, что послереволюционное количество названий все же остается меньшим, чем довоенное количество названий? Мы глубоко уверены, что этот факт объясняется более суровым и более тщательным качественным отбором тем и книг. Для нас ясно, что огромная масса названий, тем, серий и даже литературных циклов, находивших себе раньше место в книжной продукции того времени, теперь, при диктатуре пролетариата, просто немыслима, недопустима, не может быть издаваема Разве возможно, чтобы в советские времена выбрасывали на рынок обильный поток порнографических, пинкертоновских, никкартеровских, антисемитских книг? Разве мы самым решительным образом не будем пресекать самую возможность появле-

ния на рынке даже просто бессодержательной халтуры? Слов нет, и в наши советские времена нет-нет, а какая-нибудь пошлятина, какая-нибудь дрянь (пусть даже подрумяненная под революционную значимость), какая-нибудь скучнейшая дребедень все же появляется на рынке. Это, однако, «бюрократическое извращение» пролетарского государства, а не его сущность,—это надо помнить. Одним словом, для нас ясно, что уменьшение ассортимента идет за счет отсечения дрянных, гангренозных, с точки зрения идеологической выдержанности,—частей книжной продукции. Мы уверены, что точный количественный анализ, установление точной цифры названий на порнографические и другие вредные темы, выходивших в любом дореволюционном году и не выходящих у нас, подтвердил бы нам то, в чем мы убеждаемся интуитивно, с первого взгляда на нашу продукцию и продукцию этих довоенных лет.

Анализируя нашу продукцию с точки зрения роста количества названий, не надо забывать обратной стороны—роста числа новых тем, новых вопросов, новых течений, новых мыслей, новых исторических явлений и т д., не надо забывать, что новая жизнь и новое мировоззрение рождает новую тематику, такую тематику, которую старая литература и дореволюционная книжная продукция не знали, не ведали. Это, конечно, должно действовать на ассортимент в обратном направлении действию сурового качественного отбора. Это объясняет поступательный рост ассортимента, но не опровергает высказанное нами положение о том, что сокращение числа названий идет за счет литературной дряни. Отсечь гораздо легче, чем породить, отбросить легче, чем создать. Первое не берет почти времени, второе же требует и времени и напряженной работы. Если бы мы, однако, проследили процесс нарастания новых тем и вопросов в нашей литературе, (эта работа тоже ждет хорошего исследователя), то мы убедились бы, что рост ассортимента идет беспрерывно, что вместе с этим сильно обогащается наша книжная продукция, между тем, как акт отсечения произошел однажды. Значит, должен настать момент, когда наш ассортимент станет выше дореволюционного ассортимента не только по качеству, но и по количеству.

Если количество названий, выпущенных нами в год, несколько меньше рекордного количества в 1912 г., то число экземпляров и и оттисков на много больше. В 1912 г. было выпущено (включая

отошедшие от нас Польшу и прибалтийские государства) 134 млн. экз. и 800 млн. оттисков, в 1929 г. предполагается 1 600 млн. оттисков—ровное вдвое!

Этот бесспорный успех не дает нам, однако, права почивать на лаврах. Да, мы двинулись вперед от культурных позиций, которые мы занимали в первые дни революции. Да, мы выбрасываем на рынок все большие массы книг (при все улучшающемся их качестве, как мы это докажем ниже), вливая этим в советское общество животворящие струи великих человеческих достижений. Но если мы сравним нашу книжную продукцию, скажем, с германской, то мы убедимся, что мы еще бесконечно отстали, что мы еще у самого начала пути того культурничества, которое Ленин считал теперь, при диктатуре пролетариата, «центром тяжести работы» партии и пролетарского государства. Возьмем хотя бы книжный ассортимент, обращающийся в данный момент в торговле,—ведь это и есть та масса вопросов и интересов, что волнует сегодня общество, что будит его «святое беспокойство», что поднимает его на высоту современной науки и литературы. Оказывается, у нас весь активный ассортимент равняется 40 тыс. названий в то время, как в Германии он равняется 120 тысячам!

Перед нами, работниками на этом важнейшем поприще пролетарского строительства, на издательском поприще, еще где-то вдали маячит о б щ а я задача этого строительства—догнать капиталистический Запад и обогнать его! Однако, никаких уклонов, никаких шатаний ни в ту, ни в другую сторону, ни в сторону хвастовства и комчванства, ни в сторону уныния и упадочничества, ибо в нашей действительности нет оснований ни для того, ни для другого. Для уныния и самоуничижения, например, нет оснований уже потому, что наше обновление, р о с т нашей литературы, темп этого роста,—все идет быстрее, ярче, жизненнее, чем в капиталистических странах. Возьмем хотя бы количество названий (ибо оно больше всего, как мы говорили выше, характеризует состояние творчества), вышедших в целом ряде капиталистических стран[1]) мы получим такую картину:

---

[1]) Заимствую эти цифры из книжки г. Поршнева «Книжные этюды», стр. 80.

	1925 г.	1926 г.
В Германии . . .	31 595	30 064
» Франции	14 923	11 095
» Англии	13 202	12 798
» Америке	9 574	9 925
» Голландии . . .	6 332	6 027
» Италии	5 804	6 436
» Польше	5 698	—
» Швеции	3 114	2 744
» Болгарии	2 558	2 760
» Норвегии	1 228	1 204
» Швейцарии . . .	1 749	1 823
» Дании	3 752	3 270
» Чехо-Словакии .	4 762	5 162
» Испании	3 031	2 268
» Венгрии	2 772	3 828
» Португалии . . .	2 021	1 820

О чем говорит эта таблица? Она говорит о том, что почти во всех капиталистических странах литературная продукция снизилась (а во Франции даже сильно снизилась), между тем, как в СССР она повысилась, вернее, все время повышалась и продолжает повышаться. Ведь мы проделали за 5 лет (1922—1927 гг.) путь от 7 843 названий до 28 734! Сравнить это с показываемым нижеследующей таблицей ростом книжной продукции в Северо-Американских Соединенных Штатах за годы величайшего экономического расцвета.

Таблица книжной продукции в САСШ

Год	Названия	Год	Названия
1918	9237	1924	9012
1919	8594	1925	9574
1920	8422	1926	0925
1921	8322	1927	10153
1922	8688	1928	10354
1923	8877	—	—

Богатейшая страна в мире дает в 1927 г. названий почти что в 3 раза меньше, чем наша страна, бедная капиталами и материальными рессурсами, но богатая великими культурными устремлениями, пролетарским энтузиазмом и революционным порывом к переустройству мира на началах коммунизма. А темп САСШ? За 10 лет они подвинулись от 9 с чем-то тысяч до 10 тыс. с лишним, в то время, как мы за пять лет—от 8 без малого до 29 тыс.! Мы еще не догнали

Германии, но сильно к ней приблизились—до 30 тыс. названий уже осталось немного. Мы догоним и перегоним капиталистическую продукцию, потому что подвигаемся вперед быстрее капиталистических стран, быстрее самой передовой капиталистической страны—Германии.

Посмотрим, в самом деле, какое движение совершала печатная продукция в Германии почти за тот же период, что советская продукция? Мы имеем такие цифры[1]) (включая и периодические издания):

1922 г.	35 869	названий
1923 г.	30 734	»
1924 г.	28 143	»
1925 г.	37 722	»
1926 г.	36 803	»

Эти цифры показывают, что в то время, как советская продукция за период 1922—1926 гг почти учетверилась, германская продукция застыла на одном месте...

А мы можем догнать, мы должны догнать и перегнать, мы догоним и перегоним германский ассортимент. В этом активном ассортименте, выросшем в такую огромную величину, благодаря накоплению культурных книжных ценностей, созданных в былые эпохи и не отмерших до сих пор, есть, конечно, немало дребедени, которая нам не нужна, но там есть и немало прекрасных книг, отвечающих дифференцированному и специализированному спросу Вы там найдете, в особенности в области точных наук и технических и естественно-научных дисциплин, книги по самым различным вопросам, по самым разнообразным детальным проблемам. Наконец, и то, что вошло в современный книжный ассортимент Германии из литературы прошлых десятилетий и даже столетий, содержат немало таких прекрасных изданий, как сочинения Гейне, Гете, Фрейлиграта, Гегеля, Геккеля и др.

Мы должны не только догнать Германию, самую передовую страну в области книжного дела [2]), но и обогнать ее, потому что

---

[1]) Edmund Wintérhoff, Die krisis im Deutschen Buchhandel. Karlsruhe — 1927, стр 58.

[2]) В 1909 г. было подсчитано, что из 11 тыс. названий по химии 8 тыс. издано не немецком языке. Немецкие книги издаются не только в Германии, но и в ряде стран, где живут немцы более или менее значительными массами — в Чехо-Словакии, в Венгрии, Австрии, Латвии, Эстонии, в СССР, в Америке и т. д. Все почти немецкие издательства, где бы они ни находились, входят в «Берзенферейн», коммерческое объединение больше 13 тыс. издателей и книготорговцев, с центральным управлением в Лейпциге. Однако, главная масса издательств и наиболее влиятельные издательские фирмы и тресты находятся на территории Германии, преимущественно в Берлине и Лейпциге.

наш ассортимент рассчитан на значительно более широкий круг потребителей, чем в Германии, и на более разнообразные слои населения При нашей политике снижения цен мы делаем книгу доступной таким кругам, каким она в Германии недоступна. Наша книга уже теперь дешевле, чем в Германии, а в будущем она станет еще дешевле (мы об этом будем говорить ниже).

Культурническая работа партии пролетариата и пролетарского государства, как нагнетательный насос, протолкнет книгу во все поры советского общества. Это еще на многие годы сделает для нас «проблему количества» в издательской области такой же трудной (а то, пожалуй, и значительно более трудной), как общая проблема удовлетворения все растущего спроса на промтовары, предъявляемого широкими массами. В издательской области мы, пожалуй, больше, чем в других областях переживаем ту историческую фазу, когда рост производительных сил (требующий условий, какие не могут быть созданы в один день—капиталов, кредитов, технических средств и т п) не поспевает за ростом потребностей населения, даже за ростом платежеспособного спроса. Потребность в книге в ближайшие годы должна возрастать быстрее и интенсивнее, чем всякие другие потребности, ибо наша страна переживает переход от невероятной отсталости, бескультурья, неграмотности к более высоким формам хозяйства, культурности, грамотности, к умственному подъему У нас десятки миллионов людей, которые раньше потребляли керосин, но не видали книги в глаза, теперь эти десятки миллионов делаются грамотными, а многие миллионы из них делаются культурными работниками в хозяйственной области, многие миллионы двигаются дальше букваря и хрестоматии. Им нужны книги и разнообразные книги, отвечающие разным стадиям культурного и интеллектуального подъема этих масс. Этот подъем заметнее, чувствительнее, количественно значимее именно в отсталой стране: у нас от 2% грамотных в какой-нибудь Коми-Зырянской области до 100% головокружительный скачок, ставящий перед издательскими органами пролетарского государства настоятельную задачу создания значительного числа букварей на языке, который раньше не имел даже алфавита... В Германии ликвидация неграмотности означала бы продвижение от 97% до 100%, что, конечно, не могло бы поднять так чудовищно спрос на книгу, как у нас!

Все это показывает, что хотя мы в значительной мере вперед

двинули разрешение проблемы количества, но что главные трудности в разрешении этого вопроса еще впереди и что эти трудности должны усиливаться. Это надо всегда помнить, дабы не поддаваться приятной слабости итти по линии наименьшего сопротивления, по линии, которая у нас в издательских сферах часто проявляется в стремлении ограничиваться в случаях затруднений механическим сокращением продукции, сокращением производства, механическим уменьшением количества продукции. И теория, и практика советской издательской работы непререкаемо нас убеждает в том, что количество продукции должно увеличиваться, а не сокращаться, что поэтому—в случаях депрессии—нужно разрешать трудную задачу не простым «усекновением», а переустройством продукции, приближающим ее к потребностям широких масс. Это трудно, дьявольски трудно, но «лучше итти по горной каменистой тропинке, чем по широкой низинной дороге»—лучше одолевать трудности и диспропорции, возникающие на высокой основе общественного развития (на основе растущих культурных потребностей, а потому и создающих затруднения), чем становиться на «легкий путь», какой возможен на низкой основе—когда неграмотному населению не нужно было книг, а, следовательно, и не было никаких диспропорций между спросом и предложением и не было никаких широких и трудных задач.

Какова же доля Гиза в советской книжной продукции, в огромной творческой работе, проделанной за годы пролетарского строительства? Нижеследующая таблица показывает эволюцию продукции Гиза в названиях, в миллионах экземпляров, общих тиражах и миллионах оттисков за 8 лет (т. е. как за период военного коммунизма, так и за нэповский период до 1927 г.):

Годы.	Названия.	Милл. экз.	Милл. отт.
1919—20 . . .	623	37,5	88,5
1921	777	21.9	62,6
1922	1 002	12,7	119,4
1923	1 963	28,7	321,3
1924	2 440	40,1	401,6
1925	3 966	94,9	736,8
1926	3 488	53,1	443,5
1927	**4 692**	**76,6**	**488,2**
1928	**5 494**	**—**	**672,3**

На 1929 г спроектирован выпуск 6 476 названий, 109 млн экземпляров, 730 млн. оттисков. Гиз двигался по всем показателям быстро вперед. 1925 год был рекордным годом перетиражирования. В 1926 г. продукция Гиза несколько сократилась за счет снижения тиражей, но количество названий не снизилось в такой же степени, а в 1927 г. продукция в названиях поднялась до цифры, обогнавшей цифры всех прежних годов; поднялось, по сравнению с 1926 г. и количество экземпляров, но все же осталось на много ниже рекордной цифры 1925 г. (почти 95 млн.) Это значит, что ассортимент был сильно расширен (что требовало от Гиза усиленной редакционной работы), а тиражи снизились. Так как средний объем книги был уменьшен, то это отозвалось сокращением количества оттисков. 1928 и 1929 гг. приносят повышенные количества названий и экземпляров и доводят цифру оттисков до рекордной цифры 1925 г. Цифры 1929 г, однако, здоровые цифры, так как они падают на расширенный ассортимент и более приспособленные к требованиям потребительской массы, тиражи.

За период 1922—27 гг. темп развития гизовской продукции был немного более быстрым, чем темп развития издательской продукции по всему СССР. Количество гизовских названий за это время б о л ь ш е чем учетверилось, количество СССРовских названий п о ч т и учетверилось: количество гизовских экземпляров б о л ь ш е чем ушестерилось; количество СССРовских—п о ч т и ушестерилось. Удельный вес гизовской продукции почти не изменился по количеству названий и несколько поднялся по количеству экземпляров и листов. По вычислениям тов. Яницкого [1]) количество изданий, выпущенных Гизом за пятилетие 1918—1923 гг составляло 18% всех советских изданий, а количество экземпляров несколько больше 30%. Примерно такой же процент (17%) названий дал Гиз за 1924—1927 гг. (около 14 тыс. из 84 тыс. названий, вышедших за эти годы); количество же экземпляров, выпущенных за этот период Гизом (264,7 млн.) составляет около 33% СССРовских экземпляров (806 млн.). По количеству оттисков Гиз уже в 1926 г. давал около 45% всей СССРовской продукции (442 млн. из 966 млн. оттисков, выпущенных в этом году по всему СССР). В 1928 г Гиз дал больший процент, как по коли-

[1]) Н. Ф. Яницкий. — «Книжная статистика советской России 1918—1923 гг. Москва, стр 8

честву названий, так и по количеству экземпляров (точных цифр у нас пока нет); по количеству же оттисков—он дал б о л ь ш е п о л о в и н ы всей продукции.

Уже в области производства (о торговой области не приходится и говорить: там он сосредоточивает до $^3/_4$ товарооборота в своих руках) Гиз делается фактором, оказывающим могущественное действие на все стороны издательского дела в СССР. «Если исключить из общей суммы выпуска,—говорит т. Халатов,— в своей статье «Госиздат и его работа» [1]),—продукцию ведомственных издательств, продукцию, рассчитанную на узкий круг ведомственного потребления, то доля Гиза в книжной массе общего характера значительно превысит половину. Таким образом, Гиз по существу является не только крупнейшей издательской и книготорговой организацией Союза, но и гегемоном книжного дела. Такое доминирующее положение Гиза возлагает на него ряд серьезнейших обязательств перед страной в области его идеологической и хозяйственной работы. Важность и значение этих обязательств усугубляется еще тем, что всякое крупное затруднение Гиза и неудача в его работе выходит за пределы внутригизовских вопросов и отражается на широкой области всего книжного дела Союза».

Для правильного суждения о наших культурных идеологических достижениях, нам тут же необходимо, поскольку мы все показатели рассматриваем, главным образом, с точки зрения их культурно-идеологической значимости,—остановиться на таких количественных показателях, как средний объем книги и средний тираж (хотя мы о тиражной политике, как наиболее значительном факторе издательской э к о н о м и к и, будем говорить ниже) Средний тираж показывает, как велик круг людей, читающих одну какую-нибудь книгу, средний объем—к а к а я книга читается. Если увеличение среднего тиража означает увеличение массы читателей, то увеличение объема книги означает культурное продвижение вперед каждого среднего читателя, ибо потребность в более толстой книге—есть потребность в более серьезной книге. Какую эволюцию мы тут имеем?

Тиражная политика до нэпа определялась не столько точным учетом подлинных потребностей, т. е. потребностей, уже существую-

[1]) «Издательское дело» № 10 (24), Октябрь 1927 г., стр 10

щих и осознанных,—сколько принципом «чем больше, тем лучше» и наличными ресурсами [1]).

Как ни скудны были бумажные ресурсы даже в 1918—1919 гг., литературная продукция была так мала в названиях, а ассортимент так беден, что можно было выпускать большие тиражи и при небольших запасах бумаги. В 1920 и 1921 гг. оскудение зашло так далеко, что и при тогдашнем тиражном максимализме (не уступавшем духу максимализма, господствовавшему во всех областях) пришлось сократиться. Но и тогда тиражи превосходили теперешние. Что же касается объема книг, то он в до-нэповскую эпоху уменьшался с каждым годом; это объясняется тем, что в первые годы больше всего перепечатывались старые толстые книги (см. выше), а боевая и агитационная литература только нарождалась, а в последующие годы—в годы ожесточенной гражданской войны—агитационная и научно-популярная литература занимала в продукции Гиза более видное место, чем раньше, так как эта литература, в особенности агитационная, выпускалась огромными тиражами. Нижеследующая таблица дает картину средних тиражей и средних объемов книги за 1918—1921 гг. [2]):

Годы	Средн тираж	Объем в листах.
1918	18 059	4,9
1919	21 691	4.0
1920	14 321	3,8
1921	7 187	3.4

[1]) Еще в 1921 г. ведомствами подавались заявки на миллионные тиражи. Какая-нибудь Математика «для взрослых» Масленникова предполагалась к изданию многомиллионным тиражем, не помню точно цифру миллионов, и только то обстоятельство, что ГИЗ не располагал в тот момент достаточными бумажными и печатными возможностями, помогло Д. Л. Вейсу, тогдашнему заместителю Зав. Гизом ограничить тираж несколькими сотнями тысяч. Книга была все же напечатана 300 тыс. тиражем, тремя заводами по 100 тысяч в Москве и в Ленинграде. „Свежо предание, а верится с трудом"... Счет тогда был простенеграмотных у нас миллионы, а нужно ликвидировать неграмотность на все 100%, значит нужно выпустить миллионы книг...

[2]) Заимствую эти цифры из книжки Н. Ф. Яницкого «Книжная статистика Советской России». Цифры в этой книжке расходятся (не намного, впрочем) с цифрами Г. Поршнева (а мы берем последние цифры для последующих лет 1922—27), но это не мешает пользоваться этими обоими источниками, как и многими другими, в которых редко когда цифры сходятся. Все же общую картину, общий путь развития они показывают все одинаково.

В период нэпа советская издательская деятельность проходила под знаком более осторожного, по сравнению с до-нэповским периодом, тиражирования. Экономика, советская экономика, выдвигающая подлинные интересы широких масс на передний план, вносила чрезвычайно существенные коррективы в наши представления об идеологических потребностях населения, данного, конкретного, сейчас живущего населения (а не того абстрактного населения, которое знал военный коммунизм). Нижеследующая таблица показывает путь развития тиражей и объема книги на 1922—1927 гг.

Годы	Средн. тираж	Объем в листах
1922	4 300	4,2
1923	6 300	6,8
1924	8 400	6,5
1925	10 400	5,4
1926	7 273	5,5
1927	7 650	5,2

Сугубо осторожная тиражная политика, положившая начало издательскому нэпу (средний тираж 4 300, вместо двадцатитысячных тиражей бурных лет военного коммунизма) не вызывалась недостатком бумаги, к тому времени бумажное снабжение уже, в общем, недурно наладилось. Она, в общем, отвечала тогдашним требованиям населения, которое только начало возвращаться к мирной жизни и только что вступало на путь общего и политического просвещения и нормальной учебы. Почва книжного спроса только начала зондироваться и небольшие тиражи были правильными тиражами. Бурный рост культурной и учебной работы, расширение круга деятельности агитпропов и других партпросветительных учреждений, культкомов, библиотечных учреждений, политпросветских и других ведомственных учреждений,—все это не могло не вызвать спроса не только на расширенный ассортимент, но и на увеличенные тиражи. Должен был увеличиться и объем книги, поскольку в первые годы нэпа усиленно воспроизводились толстые книги, лучшие книги из старых научных и марксистских книг, на которых училось прежнее марксистское революционное поколение.

Подводя итоги по всем количественным показателям советской издательской деятельности (ассортимент, тираж, объем книги) за три-

четыре года нэпа (1922—1925 гг.), мы можем констатировать рост продукции во всех этих направлениях, представляющих пути, ведущие в один Рим—к всестороннему удовлетворению идеологического спроса. Мы видим расширенный ассортимент (рост количества названий)—это должно удовлетворять более сложный, более разносторонний идеологический спрос. Мы видели увеличенные тиражи—это должно удовлетворять идеологический спрос более широких кругов; мы, наконец, видели увеличивающийся объем книги—это значит, что удовлетворяется более серьезный идеологический спрос. Все количественные показатели говорят о культурном росте. Однако, молодая советская издательская промышленность оказалась недостаточно опытной, недостаточно чувствительной, как к темпу так и к оттенкам этого роста. На наростание спроса она отвечала тем, что «жарила» во всю огромные тиражи тех изданий, которые спрашивались. Еще хуже было то, что выпускалась огромная масса параллельных (и частенько халтурных) изданий. Возьмем для примера ленинскую литературу. В 1924 г. на эту литературу поднялся спрос резким скачком вверх. Издательства, почти все без исключения, ответили на это выпуском в течение 1924—1925 гг. до 300 млн. оттисков (от 40 до 50 млн экземпляров). Когда на одного партийца приходится чуть ли не 40—50 книг в два года, а на одного хорошо грамотного человека чуть ли не 5—7 книг по одному вопросу, то ясно, что такие книги не могут найти себе сбыта в короткий срок (а при недостаточности оборотных капиталов это создает огромные затруднения). Так как среди этого потока книг и названий немало было халтуры, ненужного параллелизма, бесталанной дребедени, то это не могло не создать затоваренности, оседания на складах значительной массы «ленинских» книг. Мы берем это слово в ковычках, потому что подлинно ленинская литература находила себе быстрый сбыт, в каких бы тиражах она не издавалась—сочинения Ленина разошлись в сотнях тысяч экземпляров, книги Сталина о ленинизме выдержали ряд изданий и разошлись стотысячными тиражами и т. д. Но рядом с этой отборной литературой, на рынке обращалась литература, состряпанная по принципу клея и ножниц (всегда наспех, часто неумело и безграмотно), а то и еще хуже. Эта литература не могла не перегрузить книжного оборота, не могла не привести к затоваренности.

Все это вносит существенные поправки в те численные пока-

затели, которые дает «безумный» 1925 год. Говорят ли эти показатели о том, что общее количество книг, названий, листов превышало то, что нужно было для удовлетворения растущих культурно идеологических потребностей населения или даже его платежеспособного спроса? Никоим образом. Даже в этом году оставались неудовлетворенными спрос на учебники, на политграмоты, на массовую литературу и т. д. Поправки к количественным показателям говорят о том, что рост книжной продукции страдал не столько количественными пороками, сколько качественными—давалось не то, что населению больше всего нужно было, и не давалось то, что ему действительно нужно было. Дальнейшие годы (1926—1928) были бесспорно годами, когда эта искаженная издательская линия выпрямлялась. 1926 год был годом реакции на прежнюю тиражную политику, годом сокращения тиражей по всем видам литературы, но 1927 и 1928 гг. уже показывают рост среднего тиража, при уменьшении тиражей по целому ряду изданий. Это—здоровый органический рост. Первый же квартал 1929 г. показал, что рынок требует больших тиражей, и только недостаток бумаги сдерживает здоровый рост тиражей (т. е. отвечающий росту рыночного спроса) и совершенно уродует тиражную политику издательств.

Госиздат в общем проделал такую же эволюцию в области тиражной политики, как и вся издательская промышленность. Нижеследующая таблица дает представление об этой политике с того момента, как он стал отдельным издательством—с 1922 г. (года наступления издательского нэпа).

Годы	Тираж в тысяч.	Объем в листах
1922	12,7	9,4
1923	15,0	11,4
1924	19,2	10,9
1925	15,0	8,1
1926	15,3	8,3
1927	14,1	6,1

Гизовские тиражи превышали средние тиражи по всей союзной издательской промышленности в 2—2,5 раза (в 1922 г. даже почти в 3 раза). Это объясняется тем, что значительными слагаемыми всей суммы гизовской продукции являются такие многотиражные издания, как учебники для школ соцвоса, политграмоты, ленинская ли-

тература и т. д. Объем гизовской книги превышает средний объем книг по всей издательской промышленности в полтора—два раза. Более серьезная книга, научная книга, толстые журналы, собрания сочинений классиков (художественная литература и социально-экономическая) и т. д.—такие крупные издания выпускаются преимущественно Госиздатом. Количественное преобладание Гиза есть, таким образом, и его качественное преобладание—он не только дает больше книг, чем другие издательства, но и дает *другие* книги и обслуживает *разные* слои населения. Огромное хозяйство идеологических ценностей и разнообразное их качество доставляют Гизу положение идеологического гегемона среди всех советских издательств.

V. КАЧЕСТВО ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОДУКЦИИ.

Высокое качество издательской продукции определяется не только верным идеологическим построением, не только единством и общей выдержанностью идеологической линии, но и составом продукции, содержанием и формой изложений, литературными и научными достоинствами выпускаемых изданий.

Что представляла и представляет собой советская издательская продукция по своему составу, по своему строению, по соотношению частей? Из каких видов литературы эта продукция состояла и состоит и какие доли общей продукции эти виды литературы составляют? На этот счет не только в стане врагов, но и у многих товарищей, недостаточно знакомых с советской книгой, существуют самые превратные представления.

Все знают, что советская власть и партия пролетариата, ею руководящая, уделяют исключительное, можно сказать решающее внимание политической стороне всякого дела, что они делают идеологические задачи центральным пунктом всех вопросов, и отсюда делается вывод, что издается исключительно или главным образом чисто политическая литература, даже только агитационная, ура-агитационная, как до сих пор твердят контр-революционные писаки за границей. Одни забывают, а другие не хотят видеть, что «политика» с точки зрения пролетарского государства, есть то, что охватывает самые разнообразные вопросы, самые различные, казалось бы нейтральные, задачи. Агрикультурные вопросы на первый взгляд являются вопросами чисто техническими, вопросами, разрешаемыми техникой и естествознанием, но кто же станет оспаривать такое положение, что в наших условиях агрикультурные вопросы являются государственными, а значит и политическими, вопросами, ибо пролетарское государство выступает в роли организатора хозяйства, строителя новой техники, индустриализатора и т. д. Кто

станет спорить, что какая-нибудь книжка или статья, скажем о вспашке должна трактовать этот вопрос не только с точки зрения механических, химических и биологических положений, но и с точки зрения нашего реального, культурного и экономического бытия?

Ясно поэтому, что нет такого вопроса, нет такой научной, технической или практической проблемы, которая могла бы остаться в стороне от внимания пролетарского государства. Ясно, что нет такой проблемы, имеющей значение для нашего культурного и хозяйственного роста, которая бы не стала темой для книги или даже серии книг. . История советской книги это блестяще подтверждает. Мы видим, что уже в первые годы революции—в суровые годы гражданской войны—выпускались не только боевые и агитационные брошюры, но и научные, и учебные, и беллетристические, и крупные социально-экономические издания. Мы не располагаем, к сожалению, точными цифрами о составе продукции времени военного коммунизма, но мы не были бы удивлены, если бы детальный разбор тогдашней литературы установил, что по ряду количественных показателей (число названий, объем книги и т. д.) так называемая тяжелая литература оказалась бы самым крупным слагаемым тогдашней продукции. Во всяком случае первые данные, которыми мы располагаем—данные о составе продукции за 1923/24 и 1924/25 гг.,—рисуют нам картину не только общего количественного роста (о чем мы достаточно подробно говорили выше), но и роста серьезной научной литературы. Цифры, приведенные в нижеследующей таблице, говорят не только о росте абсолютного числа названий по научной литературе (4 087 назв вместо 2 832), но и об увеличении ее удельного веса, ее доли в общей продукции. (См. табл. на стр. 58).

Серьезная соц.-экономическая, естественно-научная и художественная литература поглощает больше половины названий, но вы во второй половине встречаете все другие виды литературы, представленные меньшими количествами названий. Это совершенно нормально, более серьезная, а следовательно более специальная литература должна дать значительно больше названий чем литература для начинающих. Ясно, например, что высшая школа, дифференцированная по специальностям, требует значительно больше названий, чем средняя, и еще больше чем низшая школа.

Учебники, политграмота, агитационная литература и т п., представляя сравнительно малое количество названий, дает огромную

Отделы	Количество названий в 1923/24 г.	Количество названий в 1924/25 г.
Соц.-экономич. литер.	2 588	3 226
Научная литер.	2 832	4 087
Художеств. литер.	1 314	1 848
Партийная литер. . . .	480	777
Ленинская литер.	449	626
Профессиональная литер. . .	256	350
Кооперативная литер.	184	536
Литература по искусству . .	192	208
Детская и юношеская литер. .	630	1 431
Учебная литер. для ВУЗ ов .	319	389
» » школ I и II ступ.	904	1 490
Ведомственная литер.	1 423	2 429
Критико-библиогр. литер . . .	211	351
Справочно-календ. литер. . . .	571	1 259
Разная	196	811
Итого . . .	12 546	19 918

массу оттисков. В продукции ГИЗа, например, одна учебная литература давала по 160 млн. оттисков в последние 3 года (в среднем одну треть годовой продукции в оттисках) агитационно-пропагандистская литература давала 50—60 млн. оттисков, несмотря на то, что эта литература составляется из тонких книжек.

Вышеизложенное не может не убедить нас в том, что строение книжной продукции в СССР было такое, что давало широкий простор развитию научной мысли и популяризации знаний одновременно. Огромное число названий и колоссальная масса авторских листов (один Госиздат, напр., составил свой последний годовой редплан за 1928 г.—на 30 тыс. листов) позволяет дать место всем отраслям знания, всем оттенкам мысли; огромное число оттисков и высокие тиражи для некоторых видов литературы дают возможность широкого распространения знания между огромными массами людей. Широта не идет тут за счет глубины, широта и глубина тут совмещаются.

Достаточно даже поверхностно ознакомиться с содержанием нашей книжной продукции, чтобы убедиться, какие огромные ценности она в себе содержит Взять хотя бы издания Института Маркса и

Энгельса, издания, равных которым по глубине исследования и по тщательности обработки не найти во всей мировой литературе. Не менее убедительны огромное количество научных журналов, издание сочинений Дарвина с замечательным научным аппаратом, ряд серьезнейших монографий по разным проблемам теоретического и прикладного естествознания и т. д.

Советская книжная продукция содержит в себе все элементы человеческого знания и человеческих достижений. Было бы впрочем величайшей ошибкой думать, что советская продукция не представляет никаких особенностей, что она по своему составу, если не по содержанию, походит на дореволюционную продукцию. В советской продукции агитационно-пропагандистской литературе и массовой отводится такое место, какого такие же виды литературы в дореволюционной книжной продукции не занимали. Характер и состав продукции у нас в значительной мере определяет установка, ориентация на определенного читателя—на массового читателя. Наряду с научно-классификационными признаками огромную роль играют признаки целевые. Возьмем хотя бы продукцию ГИЗа за все годы и мы получим такую характерную картину.

	Млн. экз.	%
Обществознание	118,4	24,0
Учебники	119,3	24,2
Крестьянск. литер	62,5	12,8
Научные книги	14,4	2,8
Литерат.-худож. издния	25,4	5,1
Детские книги	25,3	5,1
Военная литература	15,7	3,3
Календари	16,8	3,5
Репродукций	31,5	6,5

Если рассматривать таблицу только с научно-классификационной точки зрения, то можно установить, что 24% берет обществознание, а 5% художественная литература. Где же остальные проценты? Они падают главным образом на учебники, крестьянскую и массовую литературу, военную и т. д. Но и учебники и массовая литература составляются из книг по естествознанию, обществознанию, беллетристике. Учебники значительно усиливают фронт научной литературы, так как главная масса учебников составляется из книг по естественно-научным предметам и математике (учебники по обще-

ствоведению для школ соцвоса настоящим образом стали издаваться только в 1926/27 г., а обществоведческие учебники для высших школ наша книжная статистика относит к обществознанию). Крестьянская и массовая литература охватывает как научные темы так и социально-экономические вопросы и беллетристику.

Интересно провести сравнение между гизовским составом продукции и составом книжной продукции довоенного времени. Данные, относящиеся к 18- столетию и к концу 19-го столетия, показывают такую картину:

	18-е ст.	1890—94 гг.
Богословие	10,96%	13,13%
Учебники	4,63%	10,14
Обществоведение	20,48	15,24
География	6,85	1,34
Научная литература (естествознание математика, техника)	10,68	17,28
Лит.-худ. и языкознание	38,84	14,75
Издания для народа	—	5,22
Прочие	7,56	21,90

Мы тут имеем то, чего у нас нет—богословие, процент которого даже возрастает (с 10,96% в 18 стол. до 13,13% в конце 19 стол.). За то обществознание дает 15,24% вместо 24% у нас, учебники—10,14% вместо 24,2% и т. д. От гизовской продукции веет духом пролетарской диктатуры—политическим просвещением и культурными задачами, от дореволюционной продукции—духом поповщины и небрежения к задачам культуры, просвещения и воспитания.

Нижеследующая таблица дает представление об эволюции состава издательской продукции в РСФСР, выраженного в миллионах листов оттисков. (См. табл. на стр. 61).

Таблица эта говорит о том, что в период органического роста, какой мы теперь имеем, сильно вырастают агитпропная литература (от 172 до 205 млн), крестьянская (от 50 до 58), учебная (от 230 до 320 млн.), юношеская литература (от 39 до 160). Рядом с этим растут и те виды литературы, которые поглощают сравнительно мало оттисков, но дают значительное количество листов набора и имеют огромный научный удельный вес—научная литература, педагогическая, медицинская, техническая и т. д. Это свидетельствует о том, что, несмотря на невысокие тиражи так называемой

Издательская продукция РСФСР в миллионах листов-оттисков

Отрасли литературы (на всех языках РСФСР)	1926/27 г.			1927/28 г.			1928/29 предполагается по плану		
	Непериодическая	Периодическая	Всего	Непериодическая	Периодическая	Всего	Непериодическая	Периодическая	Всего
1. Агитпроп. и массов. лит. для рабоч.	82	90	172	92	105	197	95	110	205
2. Ведомственные изд.	110	40	150	100	42	142	97	44	141
3. Военная	45	13	58	46	11	57	46	12	58
4. Детская	18	7	25	28	8	36	33	9,5	42,5
5. Искусство и критика	8	9	17	14	14	28	14,5	15,5	30
6. Кооперативная	15.5	4,5	20	16,4	7	23,4	19	8,5	27,5
7. Крестьян. и с.-х.	2,2	21	50	27	26	53	30	28	58
8. Медицинская	18	7,5	25,5	25	9,5	34,5	28	10,5	38,5
9. Педагогическая	11	6	17	18	8	26	18,5	8,7	27,2
10. Профессиональная	22	35	57	25	42	67	28	46	74
11. Соц.-эконом. и ленинская	119	3	122	104	3,5	107,5	110	5	115
12. Точные науки	9	7	16	8	7,5	15,5	8,5	8,5	17
13. Учебники д/школ I и II ступ.	230	—	230	290	—	290	320	—	320
14. Техническая	26	8	34	52	10	62	56	10,7	66,7
15. Художественная	121	215	166	100	50	150	115	65	180
16. Юношеская	21	17	39	24	30	54	26	134	160
17. Юридическая	15	11	26	16	12	28	14	12	26
18. Справочники и календари	85	—	85	30	—	90	95	—	05
19. Журналы общ. характ.	—	52	52	—	75	75	—	105	105
Всего	1004,5	375	1379,5	1087,4	461,5	1598,9	1179,5	638,9	1818,0

«тяжелой литературы»—серьезной социально-экономической и естественно-научной литературы—она занимает видное место в издательской продукции не только по количеству листов, но и по количеству оттисков. Впрочем, в последние годы обнаруживается огромный рост требований на крупные и серьезные и даже многотомные издания в роде «Капитала» Маркса, «Большой Советской Энциклопедии», сочинений Дарвина и т. д. О причинах такого явления—сводящихся к росту культурности в нашей стране—мы уже говорили выше. Тут мы должны только отметить важный вывод из такого положения—рост тиражей крупных изданий должен привести к изменению состава издательской продукции в сторону повышения удельного веса тяжелой литературы и по количеству оттисков.

Какую эволюцию претерпевал состав гизовской продукции, показывает нижеследующая таблица, составленная, к сожалению, на основе другой методологии [1]), чем вышеприведенная таблица (в ней оперативные годы совпадают с календарными, другая номенклатура, ленинская, отделена от соцэковской литературы, научная литература не расчленяется на ряд подвидов и т. д.).

Виды литературы	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г. (по плану)
Учебная	179,9	158,7	252,8	278
Детская	7,3	14,4	28,3	22
Соц.-эконом.	30,9	14,5	16,0	20,5
Ленинская	23,6	18,6	60,0	55+110 (пятитомник Ленина)
Институт Маркса и Энгельса (маркс. класс.) . .	3,0	1,4	4,3	6
Агитпроп	71,8	60,1	78,8	97,0
Крестьянская . . .	20,3	15,5	14,8	17
Научн. и научн.-поп.	23,9	23,7	27,0	30
Художественная . .	22,4	49,2	57,4	45
Военная	1,9	16,1	27,7	28

[1]) В книговедческой литературе, равно как и в оффициальных отчетах и работах всяческих комиссий, комитетов и других учреждений, разрешающих проблему печати, существует самый беспардонный разнобой не только в методологии, но и в номенклатуре разных видов литературы. Это сущее бедствие не только для исследователя, но и для всякого культурника, стремящегося поставить свою культурническую работу в связь с действительным ходом развития советской культуры. Пора уже поставить вопрос о единой книгоиздательской методологии и разрешить его. Пока же нам приходится пользоваться разнобойной статистикой, не дающей точной картины. Приблизительное представление о ходе вещей можно все же по ней составить.

Периодическая	17,9	21,6	43,8	55
Календари.	37,5	42,4	47,4	49
Репродукции				6,5
Детск. б-ка Гиза				20,0
Массовая лит. (дополнит.) .				15,0

Учебная литература за два года делает огромный скачок со 158,7 млн. отт. до 278 млн. В гизовской продукции учебная литература вырастает быстрее, чем в РСФСР-овской продукции. Это объясняется тем, что ГИЗ является почти монополистическим продуцентом учебников соцвоса. Удельный вес учебников в составе издательской продукции поднимается и будет еще долгие годы подниматься вследствие беспрерывного роста нашей школьной сети и успешной ликвидации неграмотности. До войны учебная литература поглощала примерно 160 млн. оттисков; в 1929 г один только ГИЗ дает на 75% больше, а вся издательская промышленность РСФСР—в два раза больше—320 млн. отт., хотя территория РСФСР значительно меньше прежней территории «Российской империи», а население РСФСР, для которого главным образом и производятся гизовские учебники, значительно меньше населения царской России. Картина роста учебной литературы оказалась бы еще более импозантной, если бы мы к выше приведенным цифрам прибавили бы цифры учебных изданий на языках нацменьшинств—на чувашском, белорусском, еврейском, грузинском и др. языках. Но к сожалению точными цифрами по этому предмету не располагаем.

Вырастает также в гизовской продукции детская литература (что соответствует росту «юношеской» литературы общей таблицы). В продукции РСФСР—в гизовском детском отделе больше всего растет именно юношеская литература. Это вполне понятно, если учесть то огромное значение, которое приобретает не только политическое, но и научное и художественное просвещение нашей молодежи.

Колоссальный рост показывает художественная литература, увеличившаяся и абсолютно (с 22,4 млн. до 70—больше, чем в 3 раза) и относительно с 5% до 10% всей годовой продукции. Гизовский рост тут обгоняет общий рост художественной литературы по РСФСР (где абсолютная масса оттисков крайне незначительно увеличилась с 166 до 180 млн, т. е. только на 9%, а относительный вес даже упал с 12% до 10%...). Гиз, как литературно-художественное издательство вырос, между тем как все остальные издательские орга-

низации (кроме «Зифа»—«младшего брата» Гиза) снизились Вместе с «Зифом» он дает основную массу беллетристики и поэзии. Он поэтому может и должен себе поставить грандиозную и далеко еще не разрешенную задачу—издание мировых и русских классиков. Гиз разработал пятилетний перспективный план по классикам—план, который несколько лет под ряд будет вписывать в годовые редпланы Гиза солидную графу художественной литературы.

Абсолютный рост дает гизовская научная литература—с 23,9 млн. до 30 млн., относительный же ее вес пал с 5,4% до 4,1%. С социально-экономической литературой дело обстоит еще хуже—она снизилась и в абсолютных и относительных цифрах. Если снижение относительного веса научной литературы можно объяснить тем, что относительно увеличиваются одни слагаемые за счет других (ибо больше 100% не бывает) и что именно это слагаемое—тяжелая и малотиражная литература—должна относительно уменьшаться, то снижение соц.-экономической литературы является безусловно регрессивным шагом. Правда, мы имеем рост ленинской литературы и изданий Института Карла Маркса и Фридриха Энгельса (ИМЭ), но так как ленинская литература падает почти исключительно на одни сочинения Ленина, а литература ИМЭ количественно незначительна, то надо признать, что на все научное обществознание—на все его разделы, охватывающие чуть ли не половину человеческих знаний—приходится чрезвычайно незначительная масса оттисков и крайне малая доля годовой продукции. Чем это вызвано? Мы думаем, что серьезных обоснований—ни экономических, ни тем менее идеологических—это явление не имеет, кроме разве бумажных затруднений, переживаемых издательской промышленностью в последнее время. Однако почему же именно только на научную и больше еще на соц.-эконом литературу падает всею своею тяжестью бумажный кризис? Это, думаем мы, ее наиболее узкое место в продукции Гиза должно быть как-нибудь устранено, ибо в противном случае строение гизовской продукции снизится, а ее идеологическая ценность потерпит значительный ущерб как раз тогда, когда—как мы говорили выше, на серьезную научную книгу спрос растет с каждым годом.

Снизилась и абсолютно и относительно крестьянская литература, а Агитпроп как бы застыл на одном месте в отношении абсолютного количества и подвинулся назад в отношении своего удельного

веса. Вопрос о массовой литературе является в эпоху культурной революции тем звеном, за которое—по выражению Ленина—нужно тянуть, чтобы потянуть всю цепь. Это делает в высшей степени печальным то положение, при котором крестьянская и агитпроповская литература не обнаруживает тенденции роста. Правда, огромный корректив внесет предпринятое Гизом издание «Дешевой Библиотеки» ряда классических сочинений, беллетристических и соц.-экономических, выходящих огромными тиражами и издание пятитомника Ленина тиражем до 500 тыс. и больше. Это однако корректив к отдельным сторонам проблемы массовой литературы, но не ко всей проблеме. «Дешевая Библиотека» будет давать классиков художественной литературы и социальных наук по дешевой цене,—а это только часть проблемы. Пятитомник Ленина даст, наконец, массам давножданного популярного Ленина, но он вызовет в широких массах потребность в разносторонней массовой литературе...

Увеличение абсолютного количества и удельного веса военной литературы объясняется присоединением к Госиздату двух военных издательств ГВИЗа и «Военного Вестника».

Значительное место в книжной продукции стала занимать в последние годы периодика. В 1928 г. по всему СССР выходило до 1 000 журналов, которые распределялись следующим образом:

В Москве	460	журн.
» Ленинграде	94	»
» др. городах РСФСР	200	»
» УССР	105	»
» БССР	10	»
» ЗСФСР	30	»
» Узбекской ССР	12	»

Журналы издаются более или менее крупными издательствами (ГИЗом, «Зифом», «Моск Рабочим» и др.), учеными обществами, ведомствами, профсоюзными центрами, кооперативными организациями, правительственными учреждениями и т. д. По своему содержанию основная масса журналов распадается на следующие группы:

Хозяйственно-экономические журналы	106
Партийные и общественные »	122
Культурно-просветительные »	65
Профсоюзные журналы	65
Медицинские »	77

По вопросам земледелия	65
Литературно-художественные журналы	62
Технические журналы	34
По искусству »	30
Спортивные »	8
По счетоводству »	8
По книговедению »	25—30
По краеведению »	25—30
Ветеринария	7

Среди этой массы журналов мы встречаем и ежемесячники (больше всего—420 журналов) и двухмесячники, двухнедельники и еженедельники. Одним словом книжная периодика у нас является одним из наиболее развивающихся видов литературы. Как явствует из таблицы продукции РСФС только журналы общего характера дают подъем с 52 млн. оттисков до 105 млн. За три года продукция таких журналов удвоилась в абсолютных цифрах. Относительный ее вес поднимается с 3% до 5,2% всей годовой продукции. Почти удвоение мы имеем и по всей периодике (около 640 млн. в 1928/29 г. вместо 375 млн. 1926/27 г.).

Гизовская периодика занимает не только по количеству оттисков (от 18 млн. 1926 г. до 57 млн. 1929 г.), но научному и политическому значению своих журналов первое место в союзной периодике. Гиз издает почти все перечисленные выше виды журналов. Ему принадлежат руководящие журналы в самых различных областях литературы и науки. Тиражность его журналов чрезвычайно пестра и колеблется между несколькими сотнями и несколькими десятками тысяч.

Видное место в издательской продукции занимают календари и справочники. Гиз доводит количество оттисков на календари с 37,5 млн. до 50. Не только гегемония, но и почти монополия в этой области переходит к ГИЗ'у. Зало гегемония в области издания энциклопедий, словарей и справочников переходит к о-ву «Советская энциклопедия», выпустившему ряд томов Большой Советской Энциклопедии, Малой Советской Энциклопедии, Технической Энциклопедии, Большой Медицинской Энциклопедии, словари иностранных языков и т. д. Впрочем, это издательство теснейшим образом связано с ГИЗом, который является монопольным распространителем энциклопедических изданий и который сплошь да рядом принимает уча-

стие в создании этих энциклопедий (как заказчик или даже организатор). ГИЗ к тому же является крупнейшим акционером этого о-ва и может поэтому влиять на его судьбу. В последнее время ГИЗ и о-во «Советская энциклопедия» стали предпринимать совместные издания.

Картина состава всесоюзной издательской продукции не только не была бы полна, но она не была бы и ясна, не выявляла бы своей советской особливости, если бы мы не прибавили наиболее характерного для советской издательской продукции штриха, если бы мы ничего не сказали о продукции нацменьшинств и для нацменьшинств. Несмотря на то, что в нашей стране имеется больше ста народностей, книжная продукция на национальных языках (если не считать отпавшей Польши) почти не существовала или во всяком случае составляла по некоторым языкам ничтожнейшую почти невесомую долю общей книжной продукции дореволюционного времени. Советской власти досталась совершенно не вспаханная в культурном отношении почва. В созданных революцией нацреспубликах и областях население было или сплошь неграмотное или только едва затронутое грамотностью. Некоторые народы даже не имели своей письменности и алфавита. Об издательской технике, о писательских кадрах, о полиграфических возможностях в целом ряде наших восточных национальных республик не могло быть и речи. Значительное большинство национальных республик вошло окончательно в состав теперешнего СССР только после гражданской войны. Только пролетарская революция дала им или совсем новый алфавит или же латинский взамен старых иероглифических алфавитов. Тем самым была создана, по мысли Ленина, почва для распространения знания среди отсталых народностей.

Советская власть могла поэтому начать свою культурническую работу только примерно с 1922 г. значительно позже чем в центральных областях. И тем не менее Советской власти удалось создать печать почти на всех национальных языках и ряд национальных издательств, выпускающих все растущие массы книжной продукции. Нижеприведенная таблица рисует перед нами рост национального издательского дела за три года—до 1925 г., когда издательское дело окончательно оформилось и было поставлено на рельсы плана и регулирования (в особенности после слияния цен-

тральных восточного и западного издательств в единое центральное издательство народов СССР—Центроиздат).

Годы	Количество издательств	Количество названий	Количество печатн. листов	Количество экземпл. в тыс.	Количество оттисков в миллион.
1923	12	1 511	8 961	8 312	57,4
1924	22	2 379	11 733	16 562	100,9
1925	28	3 034	11 795	25 403	152,0

Росла и доля национально-книжной продукции в общей продукции:

Годы	В названиях	В оттисках
1922	11%	10 %
1923	13%	11 %
1924	15%	14 %
1925	24%	14,3%

Этот процесс роста в абсолютных цифрах и в относительных долях за последние годы продолжался и в ближайшие годы должен будет продолжаться, поскольку нацменьшинства составляют огромную часть населения СССР, и поскольку работа по ликвидации неграмотности в нацреспубликах и нацобластях успешно развивается. Пока значительное большинство выходящих книг являются переводными с русского языка, но с каждым годом выпускаются все больше оригинальных работ. На данной стадии культурного развития решающее слово в деле поднятия национальных культур принадлежит школе и учебнику. Тиражи учебников в данном случае говорят красноречивее многих слов, так как тиражи свидетельствуют о размерах сферы влияния культурнических начинаний. Эта сфера безусловно расширяется, о чем и говорят цифры 1924 и 1925 гг.

Учебники	Средний тираж в 1924 г.	Средний тираж в 1925 г.
Украинские	20 000	30 000
Белорусские	23 000	27 000

Грузинские	5 000	10 000
Узбекские	15 000	10 000
Татарские	2 000	10 000
Чувашские	3 800	7 000

Развивается издательская деятельность по выпуску крестьянской литературы и общественно-политической.

Молодая национальная беллетристика появляется в целом ряде восточных республик, а в тех областях, где национальная беллетристика появилась еще до революции, она теперь быстро и безостановочно развивается.

В последние годы стали появляться на национальных языках методические пособия и научные книги: огромные массы трудящихся, привлеченных к социалистическому строительству и национально-культурной работе, поднимаются на более высокие ступени и предъявляют спрос на более серьезную книгу. Развитие национально-издательского дела вполне отражает культурный рост всего СССР, получающий особенно быстрый темп в отсталых республиках и областях.

Расширилось и число национальных языков, на которых издаются книги и газеты. В 1928 г. это число дошло до 60. В это число входят такие языки, которые не имели до революции письменности (зырянский, кумыкский, кабардино-балкарский, каракалпакский). На первом месте (после русского языка) по количеству литературы стоит украинский язык, затем идут татарский, белорусский, киргизский, армянский, грузинский, узбекский и т. д.

В области нацменьшинской печати мы безусловно сделали известные успехи—этот факт. Было бы однако величайшим самообольщением думать, что эти успехи достаточны или хотя бы в значительной степени заполняют ту зияющую пустоту, которую мы имели в области культуры угнетавшихся царизмом народов. Данные, которые мы имеем хотя бы о количестве газет и в особенности об их тиражах, говорят о том, что почва пока только едва затронута, что огромные массы трудящегося населения национальных республик и областей едва обслуживаются газетой—этим главнейшим орудием политического просвещения, этим важнейшим средством привлечения трудящихся масс отсталых народов к социалистическому строительству.

Распространение газет по языкам:

Языки	Янв. 1926 г.		1 апр. 1927 г.		1 янв. 1928 г.	
	Колич. газет	Тираж в тыс.	Колич. газет	Тираж в тыс.	Колич. газет	Тираж в тыс.
Русский	472	6 809	367	6 020	371	7 245
Прочие	195	1 192	202	1 559	205	1 556
60 языков . . .	567	8 001	569	7 579	576	8 801

На русском языке разговаривают 55—60% населения, на всех прочих языках 40—45%, а между тем на все национальные языки приходится газет в два раза меньше, чем на один русский язык (а ведь и на русском языке газет выходит еще чрезвычайно мало). Что же касается тиража (значит и количества читающих), то по национальным газетам он меньше почти в 5 раз, чем по русским газетам. Мы тут пока имеем такую картину отсталости, какая ни в малейшей степени не может оставлять места для прекраснодушия, для почивания на лаврах. Эта картина отсталости, надо полагать, вырисовывается в еще более грустных красках в области книжной продукции. Мы, к сожалению, не имеем точных цифр, устанавливающих долю нацпродукции в составе всей книжной продукции СССР, но мы уверены, что этот процент крайне низок. Если процент нацгазет определяется по отношению к газетам, издающимся в данный момент, то процент книг, обращающихся на рынке, должен быть определен по отношению ко всем книгам также обращающимся на рынке (ко всему активному книжному ассортименту), а такие книги могли издаваться в течение многих лет. На рынке обращается очень много книг, издававшихся после октябрьской революции и даже (меньше) до нее. Книги на национальных языках стали издаваться недавно, и ясно, что они пока составляют еще меньшую долю книжной продукции, чем нацгазеты долю газетной продукции.

Резюмируя все сказанное о составе книжной продукции, мы мо-

жем сказать, что хотя этот состав значительно выше состава дореволюционной продукции, хотя этот состав охватывает такие темы, вопросы, циклы вопросов и интересов, каких почти не знала наша дореволюционная продукция, но что он, этот состав, тем не менее страдает рядом недостатков, которые должны быть устранены. Социально-экономическая литература, массовая—в особенности крестьянская и агитпропная литература, нацменьшинская литература—все это у нас пока не достигло надлежащего развития. Продукцию этих видов литературы нужно поднять и абсолютно и относительно, что не исключает (и даже предполагает) абсолютный рост продукции и по другим видам литературы.

Наиболее важным вопросом о качестве книжной продукции является вопрос о качестве содержания книги. Надо признаться, что исследователь-историк нашей книжной культуры оказывается в отчаянном положении Если уже при анализе состава продукции исследователь оказывался вооруженным чрезвычайно слабым оружием цифр, полученных на основе разноколиберной методологии, то тут он оказывается совершенно безоружным. Исследователь с немым отчаянием тут останавливается перед гигантской грудой названий, библиографически не систематизированных, не описанных, не аннотированных и почти не прорецензированных. Только небольшая доля книжной продукции подверглась критике и библиографической оценке, но и этот материал (не всегда, впрочем, доброкачественный, так как в нашей рецензентской литературе угнездились крайне скверные нравы) не систематизирован. Одним словом нет тех элементов, тех материалов, из которых можно составить точную картину нашей книжной продукции по внутреннему ее содержанию и по форме изложения. Нам поэтому остается говорить только о тех качествах нашей книжной продукции, которые мы считаем беспорными, хотя бы эти качества не исчерпывали ее природы И об этих качествах мы имеем право говорить только в самых общих словах. Качество книжной продукции мы при этом рассматриваем по содержанию (социально-экономическая литература, естественно-научная, художественная) и установке, понимая под последней такую форму изложения тех или иных тем, которая рассчитана на определенный круг читателей (крестьянская литература, агитпроп., детская и т. д.).

Больше всего мы успели сделать в области социально-экономической литературы. Мы тут бесспорно имеем процесс улучшения со-

держания книги Марксистско-ленинская грамотность и идеологическая выдержанность безусловно возрастают из года в год. В первые годы, что называется перехлопывали некоторые (далеко не все) старые марксистские переводы, именно перехлопывали, потому что не проверяли этих переводов и иногда они перепечатывались с ошибками и цензурными купюрами царского времени. В последующие годы мы успели почерпнуть из сокровищницы мировой марксистской литературы много (к сожалению, еще далеко не все) прекрасных работ. Венцом этой основной марксистской литературы являются изданные ГИЗом марксистские сочинения, обработанные Институтом Маркса и Энгельса, и ленинские издания, подготовленные Институтом Ленина. Эти работы, как мы уже говорили выше, составляют гордость наших редакционно-издательских достижений. С каждым годом улучшается бесспорно и отбор лучших работ из европейской буржуазной литературы, причем эти работы даются не механически, не автоматически; они почти всегда снабжаются марксистскими предисловиями, вводными статьями, примечаниями и т. д. Переводы, как нам кажется [1]), улучшаются. За последние годы бурно развивалась наша оригинальная марксистская литература. В целом ряде областей—в философии, в теоретической экономии, в вопросах методологии, в экономполитике, в истории, в историческом материализме и т. д. мы наблюдаем продвижение вперед собственными силами и по собственному пути. Теоретическая работа уже выдвинула ряд проблем, вызвавших большое оживление в нашей социально-экономической литературе (вопросы методологии политэкономии, спор между диалектиками и механистами, дискуссия об абстрактном и общественно-необходимом труде, вопросы о характере советского строя и о строительстве социализма в одной стране, полемика с люксембургианцами и т. д.). Ряд теоретических-марксистских и партшийных журналов дают молодому поколению, ищущему марксистско-ленинские

[1]) Вопрос о качестве переводов — вопрос, особенно важный для качества социально-экономических книг, где от точности формулировок зависит в значительной степени доброкачественность книги — еще никем, насколько нам известно, не обследовался. Мне приходилось сличать теперешние переводы некоторых книг с дореволюционными переводами тех же книг. И я всегда наталкивался на ужасающую неряшливость в старых переводах; теперешние переводы оказывались всегда лучше дореволюционных. О переводах ИМЭ и говорить не приходится — они безукоризненны. Этих данных, конечно, слишком мало, чтобы судить с полной уверенностью о качестве наших переводов. Я и говорю поэтому, как нам кажется».

обоснования той огромной практической работе по строительству социализма, которую оно делает,—одно из орудий этой плодотворной работы Значительное место социально-экономическим вопросам уделяют наши энциклопедии (в особенности БСЭ и МСЭ), трактующие эти вопросы не только с такой полнотой, какой не знали старые энциклопедии, но и в том духе—в духе диалектического материализма, в духе марксистско-ленинского учения—какого требует борьба и строительство пролетариата.

Не надо, однако, поддаваться самообольщению. У нас и в этой наиболее счастливой области далеко не все благополучно. Мы еще не имеем основных, самых важных, центральных для страны диктатуры пролетариата изданий—сочинений Маркса и Энгельса (пока вышло всего 1, 3 и 21 тома собрания сочинений Маркса и Энгельса; предвидится скорый выход еще двух томов—в общем это 5 томов из 27). Это значит, что наша социально-экономическая литература, зиждущаяся на марксизме, не имеет своей сердцевины. Мы еще не имеем ни старых буржуазных классиков политэкономии, ни современных экономистов. Отсутствуют у нас и издания европейских философских трудов, к которым значительная масса читателей—у нас уже есть довольно крупные кадры читателей, интересующихся философией—обнаруживают огромный интерес. У нас неприкрытая нищета в области истории—изданы целые груды материалов, но нет ни всеобщей истории, ни истории России (если не считать давно изданной истории М. Н. Покровского), ни истории разных стран, ни новых историй революций, ни истории какого-нибудь периода, ни многого другого. Мы могли бы значительно продлить список изданий, состоящих «в нетях», но и сказанного достаточно, чтобы мы убедились в наличии чрезмерного количества пустых мест в нашей социально-экономической продукции. А рядом с этим мы имеем значительную массу халтуры—огромную массу книг, если не неграмотных и не антимарксистских, то бледных по содержанию и форме, повторяющих (даже не варьирующих) друг друга, не дающих ни одной новой мысли, ни нового подхода к изучаемым проблемам сплошь да рядом написанных суконным затасканным языком...

Первое место по изданию серьезной социально-экономической книги занимает ГИЗ. Его социально-экономическая продукция отличается более высоким качеством, чем аналогичная продукция других изда-

тельств [1]). Самые крупные марксистские труды (собрание сочинений Ленина, Плеханова и др) и учебники по разным отраслям обществознания были выпущены ГИЗом. В последние годы только издательство Комакадемии конкурирует с ГИЗом по изданию серьезных научных работ по общественным наукам.

Качество естественно-научной литературы по ее содержанию безусловно улучшалось с каждым годом Если в период военного коммунизма удавалось выпускать только переиздания старых руководств для высших школ—и то в небольшом количестве и без переработки—то в период нэпа издаются по более или менее разработанному плану, согласованному с нуждами высших школ и требованиями народного хозяйства, поднимающегося на более высокую степень, серьезные научные труды, переработанные и новые учебные пособия, научные монографии и т. д. по самым различным вопросам теоретического и прикладного естествознания и точных наук. Из работ дореволюционного времени извлекаются наиболее крупные, серьезные, можно сказать классические, работы Дарвина, Штрюмпеля, Менделеева, Лобачевского и т. д. Эти работы снабжаются предисловиями, дополнениями, примечаниями наших лучших современных ученых. «Основы химии» Менделеева, например, выходят под редакцией таких специалистов как Горбов, Каблуков, Курнаков, Чичибабин, Реформатский, с обширными дополнениями-статьями и примечаниями, связывающими грандиозную работу великого химика с современными научными достижениями. Такая же работа проделана над сочинениями Дарвина проф. Мензбиром и другими учеными-авторитетами биологических наук Сочинения Лобачевского выходят под редакцией лучших геометров всего мира и дополняются биографией Лобачевского и 20 статьями, принадлежащими перу выдающихся специалистов по неевклидовой геометрии, освещающих работы великого геометра в той эволюции, которую его идеи совершили в современной математической науке и т. д. В последние годы, в связи с задачами индустриализации и рационализации народного хозяйства и госпромышленности, выходило много книг по технике в издании ГИЗа и Гостехиздата. Обогатилась рядом изданий и советская медицина. Особо должны быть

[1]) И. И. Скворцов-Степанов, большой знаток социально-экономической литературы неоднократно говорил пишущему эти строки, что социально-экономические книги ГИЗа являются лучшими работами не только в масштабе СССР, но и в мировом масштабе. С особенным уважением он отзывался об изданиях Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

отмечены «Техническая Энциклопедия» и «Большая Медицинская Энциклопедия»,—грандиозные издания, могущие успешно конкурировать с лучшими энциклопедическими изданиями Европы и Америки. В области научных изданий ГИЗ занимает первое место, а в области теоретического естествознания—монопольное положение. Лучшие классические труды по математике, физике и теоретическому естествознанию изданы исключительно ГИЗом. Литература эта не погрешает против диалектического материализма, в известной своей части «стихийно материалистична» (по выражению В. И Ленина), а в некоторой части и сознательно материалистична. Во всяком случае метафизики, телеологии, идеализма и богословских извращений, не обнаружит в Гизовской продукции и придирчивая критика.

При всех этих успехах научная литература у нас страдает еще неполнотой, отсутствием трудов по множеству вопросов (детальных вопросов) техники и медицины. Еще и теперь молодой инженер или врач, если он хочет совершенствоваться, специализироваться в какой-нибудь из областей знания, усвоенного им в ВУЗе или ВТУЗе в самых общих чертах, он должен прибегать к помощи иностранной, в первую голову немецкой специальной литературы. Мы еще имеем очень мало технической литературы не только для «солдат производства» (для рабочих), но и для его средних и младших командиров—для мастеров, руководителей цехов и т. д Да и значительная масса нашего учащегося теоретически мыслящего актива поднялась на такую ступень познания, что «стихийно материалистическая» или не антиматериалистическая литература уже не удовлетворяет потребностей этой массы. Мы наблюдали в последние годы, что у этого актива растет огромный интерес к философии и теоретическим вопросам и мы знаем, что разрешить эти проблемы он сможет только на основе естествознания, на основе боевого материализма—этого нам еще наша научная издательская продукция не дала. Эта задача—еще впереди.

Художественная литература, сыгравшая, бесспорно крупную роль в истории русского освободительного движения, отшатнулась от этого движения в тот момент, когда оно приняло форму пролетарской революции, т е. подлинно-освободительной революции, поскольку она освобождает трудящееся человечество от всякого гнета—от экономического и политического порабощения. Собственно говоря свой отход от революции наиболее крупные художники слова (Андреев, Бальмонт, Бунин, Куприн, Мережковский и т. д.) начали

еще в эпоху реакции, наступившей после поражения революции 1905 г., но после Октябрьской революции они бросились в лагерь открытой и активной контр-революции, выступившей с оружием в руках против диктатуры пролетариата. Одни ушли в эмиграцию, другие (Сологуб, Андрей Белый и т. д.) ушли в обывательщину. Только небольшая группа крупных писателей (Серафимович, Брюсов, отчасти Блок, футуристы с Маяковским во главе остались с пролетариатом Певцом пролетарской революции сделался в суровые годы гражданской войны Демьян Бедный Его песни вдохновляли на великий бой ряды бойцов за власть пролетариата. Это сказалось в невероятно скудной литературно-издательской продукции первых лет. Если не считать перепечатки классиков (о которой мы писали уже), то ничего литхудного не выходило в эти годы. Но в недрах революции родились и созрели новые силы, обогатившие русскую, советскую литературу огромной массой мощных творений. Мы тут имеем и певцов крестьянской верхушки (Есенин, Орешин, Клычков и т. д.) и мелкобуржуазных попутчиков и пролетарских писателей. Их полноценное художественное творчество, бурный подъем которого мы переживаем и поныне, создало такую литературу, равной которой нет ни в одной стране [1]). Это, конечно, не могло не отразиться на издательской продукции как увеличением ее количества, так и повышением ее качества.

Тут как и в других областях литературной продукции ГИЗ играл и играет первую скрипку. Он первую роль играет не только в количественном отношении (около половины всей лит. продукции), но и в качественном—он издавал наиболее серьезных авторов. Издание классиков является фактически монопольной задачей ГИЗа. Он же является почти единственным издателем книг по литературоведению и искусствоведению.

В последние годы ГИЗ, в качестве крупнейшего акционера, включил в свою орбиту крупное литхудное издательство «Земля и

---

[1]) Мы не знаем ни одного нового писателя в Европе и Америке, который мог бы соперничать с нашими молодыми художниками слова. Мы, во всяком случае, нигде не найдем такого бурного темперамента, такой силы изображения, такой сочной кисти, такого обилия художественных, социальных психологических (вспомним Фадеева) проблем, как в нашей современной литературе. Наиболее крупные русские советские писатели переведены на иностранные языки и пользуются за границей, в особенности в Германии широкой известностью.

фабрика» (ЗИФ); вместе с этим издательством (и рядом мелких издательств, как «Федерация», «Недра», «Никитинские субботники» и др., которых продукция и редпланы закупаются и определяются ГИЗом) ГИЗ делается самым мощным владыкой литературного мира. Поскольку этот владыка является агентом пролетарского государства—это могущество в первую очередь налагает на него огромные обязанности, выдвигает перед ним грандиозные задачи.

Перепечатки 1918 г. или исчезли или представляют по своему внешнему оформлению анохронизм, сколок времен военного коммунизма. Это выдвигает перед ГИЗом задачу издания классиков на сотни миллионов оттисков (ГИЗом уже разработана «пятилетка классиков»). Литературоведение и искусствоведение остаются пока почти обойденными—нужно усилить эти области. Тоже с литературной критикой. Особенно огромные трудности для ГИЗа (и других литхудных издательств) создаются болезненными процессами и шатаниями, вызванными обострением классовой борьбы в нашей стране, борьбы, нашедшей свое наиболее полное отражение в художественной литературе. Не только мелкая буржуазия, но и народившаяся новая, так наз. нэповская, буржуазия стремится овладеть художественной литературой или во всяком случае оказать на нее свое влияние. Мелкобуржуазные и буржуазные струйки просачиваются в настроения и творения не только явно «чуждых элементов», явно нерасположенных (а скрыто даже враждебных) к советской власти, но и попутчиков (и даже левых попутчиков). В лагере попутчиков происходит расслоение. Одновременно усиливается лагерь пролетарских писателей, перешедших от описания гражданской войны (сыгравшего и играющего еще теперь огромную роль и оказавшего значительное революционизирующее влияние на настроение широких масс) к тематике социалистического и хозяйственного строительства. Пролетарские писатели, однако, не овладели еще всеми высотами. Не только левые, но и правые попутчики (да и писательские ряды правее их) не утеряли еще окончательно своего влияния, не сдали своих позиций. Госиздату, как гегемону не только хозяйственному, но и политическому и идейному, предстоит огромная задача разобраться в этом сложном переплете и умело и тактично вести твердую пролетарскую линию в вопросах литературно-художественного творчества.

До сих пор мы пытались дать оценку важнейшим видам литературной продукции по ее содержанию. Это половина дела. Остается еще

огромная масса издательской продукции, включающей книги научного, литхудного и социально-экономического содержания, но отличающейся от чисто естественно-научной, чисто художественной, чисто социально-экономической литературы своим специальным назначением, своей установкой на определенного читателя или учащегося. Учебная литература, детская, крестьянская, агитпропная, научно-популярная, военная и пр. повторяют научную, социально-экономическую и художественную в методической форме, т. е. в такой форме, которая делает сообщаемые в книгах знания наиболее доступными, наиболее понятными, наиболее усвояемыми для того или иного круга читателей и учащихся. При оценке такой продукции к ней приходится предъявлять, пожалуй, более высокие требования, чем к основным видам литературы, о которых мы говорили выше. От учебника, агитпропной брошюры, научно-популярной книжки, крестьянской книжки и т. д. мы требуем не только высокой, научной грамотности и особой идеологической отчетливости (ибо тут самомалейшее научное и политическое искривление оказывают на мало подготовленного читателя значительно более вредное действие, чем на более или менее подготовленного). Мы от них требуем особой формы изложения, такой формы, которая редко кому из авторов удается. Оценивая нашу издательскую продукцию с такой точки зрения, мы вправе будем констатировать, что мы еще находимся у самого начала пути.

Наибольших успехов мы, пожалуй достигли в области учебной литературы. Методическая обработка учебников безусловно улучшилась за последние годы—она отражает значительный опыт, накопленный школой и работниками просвещения. Повысилась и теоретическая и политическая грамотность учебника. Однако до сих пор еще не установился окончательно тип учебника, еще существуют методические и методологические шатания, еще остается слабым обществоведческий цикл.

Наша агитпропная литература охватывает официально-партийную литературу (речи и доклады вождей партии, официальные материалы и т. д.), самообразовательную литературу, учебники для совпартшкол и книжки по партпросвещению и т. д.). Наша агитпропная литература, следовательно, представляет огромное разнообразие тем и дисциплин. В последние годы количество этой литературы, безусловно, увеличилось, повысилось идеологическая выдержанность, повы-

сился, если так можно выразиться боевой темперамент. Она безусловно крупную роль сыграла в борьбе с оппозицией и уклонами. Однако до сих пор на агитационной литературе лежит налет спешности, она до сих пор страдает недостаточной теоретической тщательной углубленностью, недостаточной популярностью. По части тематики эта литература хоть и богата и разнообразно представлена, но все же страдает недостаточным охватом проблем культурного строительства и быта рабочих.

Крестьянская литература представляет сложный комплекс разных видов литературы. Она охватывает общественно-политическую, сельско-хозяйственную, художественную, батрацкую литературу для малограмотных (в свою очередь распадающуюся на отдельные виды). По сравнению не только с первыми годами революции, но и с первыми годами нэпа наша крестьянская литература подвинулась вперед, она дала значительное количество названий на разные темы. Однако до сих пор ассортимент ее крайне беден, до сих пор не затронут и не разработан в этой литературе ряд вопросов (нет достаточно колхозной литературы, недостаточно агротехнической литературы, кооперативной и т. д.). Общественно-политическая литература идеологически терпима, но скучновата. Что же касается крестьянской художественной литературы, то она в известной мере представляет ахилесову пяту крестьянской массовой литературы—неудачное внешнее оформление (сусальность обложки и рисунков), скучные сюжеты и незахватывающее содержание.

Научно-популярная литература по тематике охватывает все вопросы естествознания и техники. В общем, имеется сравнительно богатый ассортимент этой литературы. Он откликался почти на все проблемы нашего времени. Отдельные книжки, которые нам приходилось читать, положительно интересны. Но потому ли, что они внешне неважно оформлены, потому ли что все же недостаточно популярны и не захватывают читателя, но они сравнительно плохо расходятся.

Если в областях более или менее тяжелой литературы ГИЗ является только primus inter pares (первый среди равных), то в областях учебной и популяризаторской литературы он является гигантом среди карликов. Если, примерно, по учебникам для школ соцвоса он дает до 400 названий с огромными тиражами, а «Работник Просвещения» (рядом с ГИЗ'ом, единственное издательство, вы-

пускающее учебники для школ соцвоса) дает 15-20 учебников с тиражами, меньшими гизовских раз в 5-10, то это только подчеркивает грандиозность и исключительность ГИЗ'а в деле издания учебников. По изданию агитпропной литературы рядом с ГИЗ'ом выступает более или менее заметно «Московский Рабочий», но не как конкурент ГИЗ'а он выступает, а скорее всего как его сателлит. В области крестьянской литературы рядом с ГИЗ'ом выступает «Новая Деревня», но и тут ГИЗ, несмотря на недостаточность его крестьянской продукции, занимает первое место. В области детской литературы ГИЗ имел конкурентов в лице частников Мириманова и Клячко («Радуга») и отчасти в лице «Молодой Гвардии». В последние годы, однако, ГИЗ, сильно подвинувшийся вперед в смысле методической обработки и внешнего оформления, занял господствующее положение. «Радуга» лопнула, Мириманов действует в общем на основе простого воспроизводства (но в целом очень слабо расширяется, а «Молодая Гвардия» мало что сделала в области чисто детской литературы и верная своей комсомольской природе, повернула больше всего в сторону юношеской литературы. Что же касается военной литературы, то с присоединением ГВИЗ'а и «Военного Вестника» к ГИЗ'у последний стал единственным издателем этого рода литературы.

Всего 6—7 лет прошло с начала нэпа, но за это короткое время ГИЗ претерпел великое превращение—качественное перерождение из издательства, работавшего на ограниченный и определенный спрос, на спрос интеллигенции и школы, в крупное универсальное и массовое издательство. Как достижения так и неудачи на этом фронте, на фронте культурного обслуживания широких масс—в значительной мере дело ГИЗ'а. Будущее издательское десятилетие пойдет именно под этим знаком, под знаком идейной гегемонии ГИЗ'а в области книжного творчества для широчайших масс.

Картина качества нашей издательской продукции будет неполна, если в ней будет отсутствовать один из важнейших штрихов этого качества—оценка внешнего качества, внешнего оформления книги. Незачем распространяться о важности этого момента не только с эстетической, но и с идеологической точки зрения (в особенности для массовой учебной и вообще популяризаторской литературы). Можно с полной уверенностью утверждать, что идеологическое, политическое и образовательное воздействие книги на читателя прямо

пропорционально качествам ее оформления. Как же у нас дело обстоит с этой стороны? Мы можем по этому вопросу повторить то, что мы писали год тому назад в статье «Пути советской книги»[1]), посвященной 10-летию Октябрьской революции. «За годы нэпа,—писали мы там,—беспрерывно улучшалось внешнее оформление книги. Бумага, верстка, печать, рисунки, переплет и т. д.—все это поднималось с каждым годом на все большую высоту редакционно-технической и полиграфической грамотности. В настоящее время к 10-летию великой революции наша книга по внешнему оформлению может поконкурировать с книгой, вышедшей в лучших издательских центрах Европы и Америки. Массовая книга у нас безусловно лучше оформляется, чем аналогичная книга в капиталистических странах. Когда нам теперь попадается в руки какая-нибудь книжка, вышедшая в эпоху грозы и бури,—скажем, в 1920 г., мы не можем не испытать чувства преклонения перед героизмом этой эпохи, когда под шум борьбы, под гул пушек и пулеметов на оберточной бумаге, слепым шрифтом и тусклой краской печатались пламенные слова. Но мы не можем не испытать чувства восхищения перед результатами культурного и технического творчества пролетариата и трудящихся в годы мирного труда. Путь от оберточной бумаги к полубеленой и беленой, от сбитого шрифта к четкому—это путь от разорения, в которое ввергла нас война и господство помещиков и капиталистов к все растущему могуществу форм обобществленного хозяйства—это путь к социализму».

ГИЗ, по линии внешнего оформления и технического улучшения книги оказал более разительное успехи, чем все другие издательства. Последние начали свою деятельность в такой момент, когда была уже бумага, когда заработали типографские станки, когда типографии регулярно отапливались... ГИЗ же начал свою работу в такой момент, когда все полиграфические и издательские возможности и средства были почти истощены. Поэтому тот тернистый и славный путь, который проделало наше издательское производство от вынужденного суровыми невзгодами войны невзрачного (и даже с точки зрения книжной техники и эстетики, ужасающего) оформления к лучшему, технически грамотному, а порой и прекрасному оформлению—есть по преимуществу путь Госиздата. В высшей сте-

[1]) «Журналист» 1928 г. № 1.

пени яркую эволюцию совершила гизовская обложка—эволюцию от аляповатого пятна до обложки изящной, продуманной, художественно отвечающей внутреннему содержанию книги. Впрочем, нужно одновременно признать, что в значительной массе случаев гизовская обложка не отвечает установке книги, т. е. не угадывает вкусов того круга читателей, для которых книга предназначена или шаржирует их, или страдает хвостизмом, далеко непохвальным потаканием плохому вкусу. Это больше всего встречается в сфере массовой популяризаторской литературы. Отчего это происходит? Оттого ли, что художники до сих пор не могут отделаться от чувства снисходительности к «меньшому брату», от сюсюкания и «детского разговора» с ним? Оттого ли, что они (а, может быть, часто и авторы) не могут проникнуться величавой простотой пролетарского понимания, которое не допускает ни высокомерного отношения к «низам», ни лести, ни низкопоклонничества перед ними. Отчего бы это ни происходило, но сусальное внешнее оформление, ориентация на «мужичка» и «простолюдина» должна быть решительно изгнаны.

ГИЗ сделал огромный шаг вперед в области иллюстрирования книги. Как рисунки, чертежи, схемы, диаграммы и проч. иллюстрации в тексте, так и карты, черные и цветные не только сами по себе улучшаются, но они все лучше координируются с текстом и делаются поэтому все более усовершенствованным методическим орудием, орудием более легкого, более полного и более творческого усвоения знаний.

Резюмируя сказанное нами о качестве советской, в частности гизовской книжной продукции, мы можем сказать: мы в этом отношении подвинулись, но путь до совершенства еще очень велик... Велик труд, но и велика награда—та огромная роль, которую качество книги должно сыграть в построении социализма и коммунизма.

VI. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В СССР.

Проследить эволюцию издательской промышленности—значит выяснить, развивается ли она, идет ли она вперед—от низших форм хозяйства к высшим. Это в свою очередь выдвигает вопрос: какие формы издательского хозяйства нужно считать высшими. На этот вопрос нужно ответить с полной категоричностью и определенностью, ибо по этому вопросу существуют шатания и колебания, которые можно было бы называть ревизионистскими. Для марксистов, казалось бы, не должно быть сомнения в том, что высшей формой любого хозяйства является хозяйство крупное, организованное, поставленное на высоту современной техники. Однако, в среде марксистских работников печати и издательского дела мы встречаем такие течения, что к издательскому делу этот марксистский закон, мол, не относится. Издательское дело, видите ли, это особое дело—тут мы имеем дело с индивидуальным (с авторским и редакторским) творчеством, мы имеем дело с тысячами отдельных, не повторяющих друг друга творческих актов.

Отсюда вывод: издательское дело не является фабричным делом, так как фабричное производство есть раньше всего штампованное производство. Издательское дело, выходит, является кустарным делом, а для кустарного дела большие размеры вредны, ибо кустарь только до тех пор хорошо и тщательно делает свое изделие, пока он видит его с начала до конца, в крупном же деле, где сотни и тысячи изделий (названий) видеть свое изделие с начала до конца невозможно...

При всей кажущейся «стройности» и убедительности этого построения оно в себе скрывает логику всякой ревизии, ибо всякая ревизия начинается с положения, что закон верен, но в «данном случае» (напр. в сельском хозяйстве, как утверждало огромное

большинство ревизионистов) закон не применим. А марксистская суть-то именно в том, что, несмотря на своеобразие явлений, несмотря на особенности данной конкретной действительности, в них проявляется общая закономерность, к ним общие законы применимы. Мы в этом убедимся и в «данном случае», когда мы разберемся в издательском вопросе по существу.

Слов нет, издательское дело невероятно сложное и своеобразное дело. Мы тут имеем дело с небывало огромным ассортиментом, который беспрерывно растет, ибо хотя и отмирают кое-какие старые имена и названия, но больше их нарождается. Ассортимент начала XX столетия, конечно, во много раз больше ассортимента начала XIX стол. Торговый сектор оборачивал несколько лет тому назад тысячи две названий, а теперь—сорок тысяч. Ясно, конечно, что 40 тыс. названий—это не одно название, помноженное на 40 тыс., а все разные, друг друга не повторяющие дела, требовавшие от издательств многообразной работы, бесчисленного множества операций и связей с различными авторами, редакторами, учреждениями, обществами и т. д. Можно ли, однако, из этого делать вывод, что издательское дело не поддается механизации и рационализации? Так думать было бы совершенно неверно, ибо это значило бы смешивать издательское дело с авторско-редакционным, с о д н и м из з в е н ь е в издательского дела. Последнее включает ряд процессов (редакционный, редакционно-технический, издательско-производственный, полиграфический и т. д.), из которых все, кроме редакционных, поддаются механизации. Этого достаточно, чтобы из издательского производства делать фабричное производство, ибо в с я к а я р е а л ь н а я фабрика представляет сочетание процессов машинного труда с процессами ручного [1]). Что же касается грандиозности ассортимента, предполагающей огромную массу индивидуальных актов творчества и колоссальное количество особых редакционно-издательских связей, то мы тут имеем только количественную разницу, а не качественную—любая отрасль промышленности имеет значительный ассортимент (металлургическая, напр., имеет ассортимент в 10 тыс. изделий), созданный так же, как и книжный ассорти-

[1]) Взять хотя бы типографию. Там преимущественно машинный труд в области печати и преимущественно ручной труд в области сложного набора. Машинный набор представляет сочетание ручного труда с машинным в одном и том же процессе работы. Такое же сочетание представляет автолитография, альграфия и т. д.

мент, рядом предшествующих механическому производству индивидуальных творческих актов (модели, образцы, шаблоны и т. д. делаются заранее отдельными людьми).

Итак, уже издательское производство, как всякое производство, поддается механизации и выигрывает от укрупнения размеров; тем более выигрывает от этого издательское дело, включающее не только производственные процессы по созданию книги, но и экономические и политические моменты. О значении крупного хозяйства с точки зрения экономики—неудобно даже распространяться на 12-м году пролетарской диктатуры, зиждущейся на марксистской идеологии; о важности единства издательской работы пролетарского государства с точки зрения идеологии мы говорили выше. Мы поэтому считаем, что со всех точек зрения (с точек зрения производства, экономики и идеологии) высшей формой издательского хозяйства является крупное хозяйство. В условиях же советской экономики не только осуществимо—в результате определенного процесса—но и необходимо и неизбежно единое крупное хозяйство, ибо конкуренция между отдельными издательствами не только не приводит к идеологическому улучшению книжной продукции (а часто, как мы выяснили выше, приводит даже к ухудшению), но и не дает экономически полезного эффекта, а часто даже приносит вредные плоды. Если два или несколько издательств выпускают два или несколько переводов одной и той же иностранной книжки, то, помимо того, что эти два перевода наверняка выполненные хуже, чем если был бы один хорошо оплаченный перевод, тиражи отдельных изданий выйдут каждый меньше того совокупного тиража, который могло бы дать одно издательство, а благодаря этому получается удорожание книги. Положительный эффект капиталистической конкуренции—снижение цены и улучшение качества продукта—тут не только отсутствует, но замещается эффектом отрицательным—удорожанием. Когда же конкуренция переносится непосредственно на рынок, она (выражается в наших условиях, главным образом, в нездоровых скидках) этот рынок дезорганизуется и разрушается плановая связь между производством и потреблением. Только единое и крупное издательское хозяйство может давать в плановом порядке широкой массе потребителей книжный товар высокого качества по возможно низким (при данных обстоятельствах) ценам. Отсюда ясно, что когда мы гово-

рим об экономической эволюции советской книги, то речь идет о продвижении нашей издательской экономики по пути от мелких и разрозненных издательств к единому крупному издательскому хозяйству.

Что мы успели сделать в этом направлении? Подвинулись ли мы вперед? Раньше, чем ответить на этот вопрос, нужно выяснить, что мы получили в наследство от буржуазного строя. Уже капиталистическая эволюция издательской экономики прошла через ряд форм издательского предприятия—от мелкого кустарного издательства [1]) до крупного издательского комбината, охватывающего редакционно-издательский аппарат в узком смысле слова (т. е. аппарат, изготовляющий и обрабатывающий рукопись), полиграфические предприятия, торговые и книго-распространительные аппараты и (часто) словолитные, переплетные, бумажные фабрики. Пролетарская диктатура получила в наследство огромную массу более или менее крупных и (значительно больше) мелких издательств, занимавших разные ступени в лестнице развития издательского дела. Надо признать, что в первый период советской издательской истории—в догизовский период—государство наше фактически не только не организовывало издательского хозяйства, как определенной отрасли промышленности, но и не ставило себе этой задачи. Первой серьезной попыткой организовать государственное книгоиздательское хозяйство было основание Госиздата. С этой точки зрения дата основания ГИЗ'а может считаться началом экономической истории советского издательского дела (поскольку под советским мы понимаем нечто организованное и руководимое пролетарским государством).

В годы военного коммунизма Госиздат мог стать только производственным предприятием. Госиздат в эту пору был вызван к жизни не как товаропроизводитель, а как орган социалистического производства книги. Главной и, пожалуй, единственной задачей, ко-

[1]) В издательской промышленности мы встречаем те же стадии развития, что и в других отраслях промышленности. Мы встречаем тут кустаря или ремесленника — сам автор или переводчик издает свою книгу, не имея средств производства (типографии, бумаги и т. д.), он сдает свою рукопись типографу, который печатает ее на своей бумаге и оставляет ее на своем складе. Из денег, вырученных, от продажи, типограф берет себе плату (повышенную, конечно) за типографские работы и бумагу. Встречаются мелкие капиталистические издательства — издатель эксплоатирует автора, но своих собственных типографий он еще не имеет. На более высоких ступенях капиталистической издательской экономики встречаются уже крупные издательские хозяйства-комбинаты.

торая ставилась Госиздату государством трудящихся и партией, было максимальное производство книжных ценностей (как потребительных стоимостей, а не меновых). Исходя из ошибочной производственной предпосылки,—что издательская деятельность (в узком смысле слова) и полиграфическое производство выиграют от разрозненного своего существования,—хозяйственные центры советской республики отвели Госиздату роль издателя, не располагающего своими средствами производства, полиграфическими и бумажными. Полиграфическая промышленность (которая по своему производственному и экономическому существу является на 80% подсобной промышленностью) находилась вне сферы влияния Госиздата; бумажная промышленность управлялась Главбумом, Госиздату же отводилась роль органа, распределяющего бумагу как в центре, так и в провинции.

В первые годы нэпа Госиздат еще оставался издателем в узком смысле слова с собственным—редакционно-издательским аппаратом, с редакционной инициативой и планами (следовательно, с собственным производством и экономической и идеологической за него ответственностью). Однако, еще долго (почти 2 года) ему приходилось вести борьбу за обладание собственной полиграфической базой, а когда он ею овладел и таким образом превратился в издателя в широком смысле слова, ему еще долго оставалось (и, может быть, еще и теперь остается?) изживать последствия и традиции полиграфического сепаратизма.

Вопрос о том, должно ли издательство владеть собственными средствами полиграфического производства или ему выгоднее работать в «чужих» типографиях, был долго спорным вопросом в среде советских издательских работников. Противники обладания типографиями и другими полиграфическими предприятиями доказывали, что работать в чужих предприятиях дешевле, что там гораздо быстрее выполняются заказы (так как заводоуправления заинтересованы в наискорейшем получении денег за выполненную работу) и что, н
и с организационной точки зрения издательству нужно з
больше «чисто издательским» делом (т. е. узко издательс
циями, сводящимися к изготовлению и обработке рук
мическая действительность и издательская история
представления—теперь уже для каждого ясно, чт
графиях можно работать с выгодой только на
издательского развития, т. е. когда у издате

продукция (несколько названий, с которыми можно кочевать из типографии в типографию—туда, где свободнее и дешевле). Когда же издательство вырастает, оно начинает нуждаться в собственной типографии. . Что же касается вопроса о «дешевизне», то действительность показала, что в чужих типографиях работать дороже, чем в своих и что к чужим типографиям приходится прибегать в единичных случаях, хотя их помощь обходится крайне дорого.

Высказывались и ультра-противоположные сведения, что в своих типографиях процессы труда обходятся гораздо дешевле и что поэтому овладение полиграфическими предприятиями сулит высокую прибыль. Помимо того, что это по существу неверно (издательский капитал всегда приносил больше прибыли, чем типографский) уже самая постановка вопроса о высокой прибыли являлась нарушением тех требований, которые ставит нам наша общая экономполитика в промышленности (требований удешевления цен и повышения качества продукта). Это не только привело бы к тому, что т. Ларин назвал духовным разоружением пролетариата и трудящихся—это было бы экономической неграмотностью с точки зрения издательской. Издатель всегда стремился овладеть типографией не ради типографских прибылей, а ради издательских выгод, даваемых фактом подчинения типографий и их операций издательству. Это гарантирует больше, чем когда в чужих типографиях работаешь, своевременный (сезонный) выход книги, ее качество и тип, приспособление всех процессов полиграфического производства к требованиям издательской политики. Издательские выгоды с лихвой могут покрыть все недоборы в процентах типографской прибыли[1]). Упор поэтому должен быть сделан не на повышение прибыли с типографского или бумагопроизводительного капитала, а на повышение количества и качества продукции, на своевременность ее выхода, на использование всех деталей технического аппарата для издательской работы. Уже один факт полной нагрузки, уменьшая процент накладных расходов, повышает прибыль с типографского капитала и создает на рынке более благоприятную издательскую конъюнктуру (издательство выступает с более богатым ассортиментом—что в издательской конкуренции часто играет решающую роль—и более дешевым изделием). Рациональное использование технической базы должно дать увеличение продукции и, с одной стороны, допустимое, с точки зрения интересов пролетарского государства, повышение норм издательской

прибыли, а следовательно и укрепление возможностей социалистического накопления в издательской промышленности, а с другой,— понижение цены книги.

Не только Госиздат, но и другие издательства, возникавшие в первые годы нэпа, достигнув более или менее широких размеров, овладевали типографиями: «Красная Новь» имела одну большую типографию (б. Кушнеревскую, затем 20-ю, теперь «Красный Пролетарий») в Москве и 2 маленьких типографии в Ленинграде; «Прибой» имел большую типографию (б. Маркса) в Ленинграде, там же Гостехиздат взял типографию «Просвещение», а «Молодая Гвардия»— небольшую типографию и т. д. Однако, процесс развития нашей издательской экономики, приведший к колоссальному укрупнению ГИЗа за счет других издательств, привел также к сосредоточению в его руках наиболее мощных типографий, между тем как другие издательства или влились в ГИЗ или же не получили типографии, или даже лишились их, если они их имели («Прибой» лишился своей типографии еще до слияния с ГИЗ'ом). Только немного издательств имеет небольшие типографии, и в настоящее время только ГИЗ является крупнейшим владельцем в стране нотопечатни и крупнейших типографий (включающих литографии, цинкографии, брошюровочные, переплетные, клишехранилища и т. д.) с общим числом рабочих до 6 тыс. человек [1]).

Это значит, что только ГИЗ является крупным и, с полиграфическо-производственной точки зрения, подлинным издателем, издателем в широком смысле этого слова.

Эволюция издательского дела теснейшим образом связана с бумажным вопросом. Этот вопрос стоял перед издательской работой советской власти. В первый, догизовский период этой работы бумажный вопрос разрешался «потребительским» способом: запасы бумаги в типографиях и издательствах, употреблялись для целей печатания дешевой книги. В разгар военного коммунизма—в гизовский период— скудные запасы бумаги распределялись ГИЗ'ом. Бумаги было так мало, что развернуть такую грандиозную программу издательского производства, какой требовали политические и культурные задачи советской власти, было просто невозможно. Бумажное хозяйство за-

[1]) По вычислениям, произведенным в 1926 г., для полного восстановления и переустройства полиграфической технической базы понадобится основной капитал, превышающий теперешнюю стоимость этой базы в 2 раза.

ключалось не в производстве, а в распределении. Госиздат был поэтому комбинатом на выворот (настоящим комбинатом он был бы тогда, если бы он включил в свою производственную систему предприятия, производящие бумагу). Бумажный вопрос оставался тревожным для ГИЗа и всей издательской промышленности вопросом и в первые годы нэпа. С одной стороны, беспрерывное падение курса рубля, грозившее беспрестанным убыванием возможностей воспроизводства, вынуждало закупать бумагу в количествах, превышающих потребности производства на данный момент, с другой же стороны, приобретение бумаги нужных сортов и в таком количестве, какое обеспечивало крупнейшие издания (как сочинения Ленина, Маркса, Плеханов, серии) однородной бумагой, представлялось трудным и даже невозможным: бумага Главбума страдала не только невысоким качеством, но и отсутствием часто даже в одной и той же стопе однородности... Во всяком случае, бумага, приобретавшаяся на рынке, не представляла такого обилия в весовых единицах и сортах, чтобы ГИЗ мог иметь богатый выбор сортов и форматов, отвечающих как высокому качеству книжного изделия, так и экономности его производства. Приходилось, напр., печатать учебники на недостаточно прокаолинированной бумаге или бумаге невысокой композиции (отчего рисунки и текст выходили так, как если бы они печатались «сковородой и сажей», приходилось брать такие форматы, (их всего было два: 14×21 и 16×24), которые не давали наиболее экономически выгодного соотношения между весом бумаги и количеством типографских знаков (а следовательно и печатью, фальцовкой, брошюровкой и переплетом). Восстановление бумажной фабрики в Красном городе и пополнение ею системы книгопроизводственных аппаратов ГИЗ'а—как бы мы ни расценивали этот факт с точки зрения проблемы оборотного капитала (о чем мы будем говорить ниже)—являлось благотворнейшим фактом с точки зрения производственной, с точки зрения гарантирования беспрерывности книгопроизводственного процесса удешевления (в конечном итоге) производства книги и более экономного маневрирования форматами. Правда, гизовская бумажная фабрика не давала и к 1926 г. достаточного (для всей его книжной продукции) количества бумаги (45.000 пудов—против нужных 75.000 пуд). Правда, и это количество бумаги было слишком высокого качества и высокой стоимости для массовых дешевых изданий (так что ГИЗ для себя мог ис-

пользовать только 25.000 пудов, т. е. $^1/_3$ потребности), но и этого уже достаточно, чтобы сделать положение ГИЗ'а устойчивым и чтобы он мог путем обменных или сбытовых операций запасаться нужной бумагой, прибегая лишь к частичным закупкам на рынке.

Финансовое напряжение, которое создавалось огромными расходами на восстановление и оборудование «Красногородки», вызывало почти во все годы наличия бумфабрики в производственной системе ГИЗ'а громкие протесты как со стороны некоторых активных работников ГИЗ'а (в том числе со стороны некоторой части правления) так и со стороны части коллегии Наркомпроса. Только благодаря изумительной энергии Ф. М. Конара и его неподражаемой изобретательности в сфере финансовых комбинаций, ГИЗ был обязан тем, что он смог восстановить Красногородку раньше (на 70%, а потом и на все 100%) и что он смог закупить в Англии и Германии значительную партию частей и приспособлений и подновить ими старую фабрику Печаткина. Однако, антипатия к бумфабрике в некоторых издательских кругах сохранилась до тех времен, когда ГИЗ в 1926—27 гг. стал испытывать сильные финансовые затруднения, и вылилась в форму предложений комиссии РКИ, ревизовавшей Госиздат, о передаче ГИЗом бумфабрики Ленбумтресту, что и было выполнено летом 1927 г. ГИЗ из полнокровного четырехчленного производственно-торгового комбината (редиздат, полиграфия, бумфабрика, торгсектор) превратился в трехчленный комбинат. Мы считаем, что с производственно-экономической точки зрения это— прискорбная ошибка.

Дело, конечно, не в том, что четырехчленная формула превратилась в трехчленную: теоретически мыслим комбинат и из меньшего и из большего числа членов. Можно, например, в издательский комбинат включить и леса, дающие нужную для изготовления бумаги древесину, и бумагомассные и целлюлозные заводы и т. д. Вообще, для комбината трудно установить точную границу как со стороны минимума, так и со стороны максимума. Дело, однако, в том, что выключение из комбината бумфабрики было производственно-экономически нецелесообразно. Если многим из тех, кто считал и обладание типографиями для издательства ненужным, уже давно стали ясными великие выгоды этого обладания, то выгода обладания бумажной фабрикой стала только теперь, в период бумажного кризиса—ясна для всех. Не может развивающееся предприятие (а

издательское дело в стране диктатуры пролетариата будет беспрерывно развиваться, скорее развиваться, чем всякая другая отрасль промышленности) выполнять все расширяющуюся программу, не имея своих средств производства, а ведь бумага—это даже не важнейшее сырье, а почти единственное сырье, из которого изготовляется изделие. Спора нет, финансовые затруднения, вызываемые обладанием фабрикой, велики, чрезвычайно велики, но это те затруднения, которые вызываются здоровым ростом, не мотовством и бесхозяйственностью, а созданием и укреплением основного капитала, необходимого для бесперебойного снабжения издательства бумагой.

Несмотря, однако, на выключение бумфабрики из гизовского комбината, он может считаться крупнейшим хозяйственным достижением советской власти, одним из крупных звеньев в цепи эволюции издательского дела. Не надо забывать, что торгсектор ГИЗ'а не только дополняет гизовский комбинат, но и представляет мощный аппарат распространения для всей издательской промышленности. В то время, как книжная продукция по стоимости возросла с 3—4 млн. (в 1921—22 гг) до 25 млн, примерно в 1929 г. оборот торгсектора поднимется до 45—47 млн. рублей! Госиздат таким образом не только превратился в крупнейший издательский комбинат, но и выполняет фактические функции крупного книготоргового синдиката, влияющего на деятельность других издательств.

По своим торговым оборотам уже один ГИЗ обогнал довоенный книжный товарооборот, выразившийся в цифре от 40 до 50 млн. За несколько лет нэпа ГИЗ ворочал таким горным массивом, как 460 млн. экземпляров, 3¼ миллиарда оттисков на сумму 190 млн. рублей! Кроме того, им было выпущено около 3 000 номеров (30 млн. экз.) журналов на сумму до 15 млн. руб. Чужих изданий у ГИЗ'а было на 50 млн руб Если не считать бесплатных раздач, то фактически торговый оборот ГИЗ'а выразился в сумме 192 млн. рублей нетто. Торговый сектор ГИЗ'а завершает кругооборот гизовского капитала. Он должен реализовать всю продукцию ГИЗ'а, он переводит в сферу обращения ценности, созданные ГИЗ'ом в сфере производства. Как он выполняет эту роль? В течение 1922—1928 гг. торговый сектор реализовал 85% всей гизовской продукции. На складах ГИЗ'а, значит остается 15% (средняя 11-месячная продукция). Это—меньше нормальной складской наличности. Процесс реализации, значит, шел (несмотря на перебои в разных фазах и

звеньях процесса и аппарата распространения) вполне удовлетворительно [1]).

Для той эволюции, которую издательское хозяйство СССР совершает от более низких к более высоким формам комбинированного и единого крупного хозяйства, огромную роль играет проблема основного и оборотного капитала. Именно в комбинированном издательском хозяйстве мы имеем дело с довольно высоким основным капиталом. Та часть постоянного капитала, которая составляется из стоимости предметов труда (бумажное сырье, краски и т. д.), занимает сравнительно небольшой процент; главную массу стоимости в постоянном капитале представляют орудия труда (фабрики и их оборудование). Фабричные здания типографий и бумажной фабрики обходятся дороже, чем здания и их оборудование во многих отраслях промышленности (чем, напр., в нефтяном деле). По требованиям производства они должны представлять прочные, сложно построенные, приспособленные к определенным климатическим и атмосферным влияниям на много лет рассчитанные сооружения. Машины и все оборудование дорого стоят и имеют высокий физический возраст. Типографские машины (печатные) изнашиваются—по вычислениям немцев—в среднем в 30 лет; моральное же их изнашивание, «моральный возраст» (т. е. средняя продолжительность времени, в течение которого они существуют как «последнее слово техники», пока они не вытесняются более совершенными машинами новейшей конструкции)—15 лет (по вычислениям англичан даже только 10 лет). Значительная разница существует и между физическим возрастом бумагоизготовительных машин и их моральным возрастом. Значительный возраст имеют и шрифты, хотя в последнее десятилетие их моральное изнашивание наступало чрезвычайно быстро, отчасти вследствие изобретения наборных машин все более сложной и совершенной конструкции, а в последние годы вследствие появления новых способов химического копирования, отчасти же вследствие перехода к новым шрифтовым гарнитурам (эстетический момент). Машины для цветного печатания тоже имеют высокий физический возраст, но быструю моральную изнашиваемость, так как последние десятилетия новые способы цветного печатания быстро сменяли друг друга. В области производства клише мы имеем еще более яркую картину

[1]) Мы не останавливаемся подробно на вопросе о книжной торговле,—этому следовало бы посвятить отдельную книжку.

расхождения между продолжительностью материального использования машины и продолжительностью их господства в производстве. Итак, главными характерными особенностями издательского основного капитала являются: 1) его относительно крупная величина; 2) сравнительно высокая продолжительность его материальной изнашиваемости; 3) резкое расхождение между материальной изнашиваемостью и моральной (первая, примерно, в 2 раза превышает вторую).

Поскольку ГИЗ стал через два года после начала нэпа крупным владельцем типографий и бумагофабрики, почти вся тяжесть задачи восстановления и расширения основного капитала издательской промышленности пала на него. На какой хозяйственной основе, унаследованной от буржуазного прошлого и эпохи военного коммунизма, мог ГИЗ разрешить эту грандиозную задачу? Какие предпосылки подготовила прежняя экономическая и производственная действительность? Основа и предпосылки были таковы:

1) Госиздат и вся наша издательская промышленность унаследовали от буржуазного хозяина (и Мосполиграфа) совершенно изношенный основной капитал (так как и до войны полиграфические аппараты крайне перенапрягались, а во время империалистической войны, они не только не подновлялись, но и беспрерывно разваливались, за отсутствием ввоза полиграфических машин и частей из Германии, откуда до войны мы всегда получали оборудование полиграфии.

2) Морально основной капитал—по крайней мере в своей машинной части—давно был «мертв», не было ни одной машины, которая не имела бы в Европе или Америке своей соперницы в машине новейшей конструкции и значительно возросшей мощности. Если наши «старушки», давно приговоренные к смерти, продолжали жить и даже усиленно работать, то они этим обязаны были исключительно нашей бедности.

3) Если в первые полтора года нэпа (1922 и перв. половина 1923) работала только часть нашего основного капитала (неполная нагрузка типографии и бумажной фабрики), то в последние два года наш основной капитал перенапрягается до крайности и работает, что называется, за троих.

4) Быстрое донашивание издательского основного капитала грозило величайшими производственно-экономическими осложнениями, ибо ре-

ализация той продукции, которая усиленно производилась при помощи быстро изнашивавшегося основного капитала, давала только часть тех средств, которые нужны были на восстановление машин, зданий, оборудований и т. д (значительнейшую часть амортизационных средств съели или увезли с собой за границу старые буржуазные хозяева). С этой точки зрения проблема основного капитала представляла для издательской промышленности трагедию более глубокую, чем для других отраслей промышленности, ибо издательская продукция, как мы это установили выше, расширялась быстрее, чем всякая другая промышленная продукция, а вместе с этим быстрее изнашивался основной капитал. Как ни трудна была задача, но ее нужно было решать (и решать раньше всего ГИЗ'у). Так как государство не могло, по недостатку средств, отпускать достаточно сумм для ее реконструкции, то ГИЗ'у ничего другого не оставалось, как производить нажим на оборотные средства (которые, как мы сейчас увидим, тоже сильно хромали). Перед ГИЗ'ом стояла альтернатива: или нажим на оборотный капитал или гибель основного. Хозрассчетный предприниматель—ГИЗ на это отвечал: лучше задыхаться от недостатка оборотных средств, чем умереть от гибели производственной базы. Этими обоими путями ГИЗ'у удалось восстановить бумфабрику (ставшую впоследствии основным капиталом Ленбумтреста) отремонтировать и привести в годность прежнюю технику, а в некоторой части перестроить и подновить техническую базу новыми машинами и приспособлениями. В три года, наиболее интенсивных мероприятий по ообрудованию технической базы ГИЗ отремонтировал все (4) машины «Красногородки», закупил новые приспособления для бумфабрики за границей, отстроил фабрику, службы, рабочие жилища и т. д. По своим четырем крупным типографиям Гиз успел переоборудовать в эти три года следующие технические единицы. (См. табл. на стр. 96).

Проблема оборотного капитала есть по существу своему проблема воспроизводства: издательской промышленности нужно всегда располагать определенными средствами, нужными на то, чтобы процесс производства определенного количества книжной продукции не прерывался или даже не затруднялся. Величина потребного оборотного капитала зависит: 1) от величины стоимости продукции (чем больше производится названий, печатных листов, оттисков, тем больше нужно средств); 2) от времени оборота денежного капитала в

	Наб. машин.	Плоск. маш.	Ротаций	Офсет. маш.	Литографск.	Стереотип.	Разн. переплети.
1-я Образцовая . .	—	8	2	—	—	1	29
Красн. Пролет. . .	2	2	—	2	—	—	6
Печатн. двор . . .	1	6	—	1	1	—	41
Им. Бухарина . .	—	—	—	—	—	—	7
Итого . . .	3	16	2	3	1	1	83

производстве,—чем дольше производится книга, чем позднее она попадает на рынок, тем больше средств нужно на поддержание процесса производства; 3) от продолжительности периода реализации или от оборота капитала в торговле,—чем продолжительнее этот период тем больше нужно денег на содержание как производственных аппаратов (которые в это время продолжают производить продукцию и выбрасывать ее на рынок), так и торговых; 4) от коэффициента расширения воспроизводства,—в следующем году воспроизводить больше, чем в этом году, то нужно и больше денежных средств.

Капиталист черпает средства, удовлетворяющие первым трем требованиям из первоначального накопления—из денежных запасов, накопленных им или полученных со стороны; средства, необходимые для удовлетворения четвертого требования—для расширения воспроизводства—он черпает из своей прибыли, из прибавочной стоимости, которую он частью или целиком капитализирует. Советская издательская промышленность не имела ни накопленных капиталов, ни сколько-нибудь заметной прибыли, но она должна была все же разрешить задачу бепрерывного расширения воспроизводства: ведь она прошла путь от 50—100 млн. оттисков в 1921—1922 г. до 1 500—1 600 млн. оттисков в 1928—1929 г.

Для решения этой задачи нужен был все растущий, увеличивающийся с каждым годом оборотный капитал. По нашим вычислениям [1]), производимым в 1925 г. (когда его месячные расходы вы-

[1]) Мы их тут не излагаем, так как это заняло бы много места и так как проследить эволюцию издательского хозяйства можно и без ознакомления с этими вычислениями.

ражались примерно в цифре 2 млн. рублей). ГИЗу нужно было при 6-месячном производственном обороте и годовом торговом (в общем 18 месяцев) до 18 млн. рублей. Так как наша издательская промышленность не имеет таких капиталов, то она поэтому неизбежно должна была переживать огромные оборотные затруднения.

Возможность сокращения сумм потребных оборотных средств заключается:

1) В сокращении оборотного периода (как в производстве, так и в торговле).

2) В понижении себестоимости производства.

3) В сокращении торговых расходов.

Проблема оборотного капитала, поскольку она частично разрешается сокращением производственного периода, упирается в проблему основного капитала. Обновленный основной капитал—новые, лучшей конструкции машины, новое оборудование, механические орудия, заменяющие слабые человеческие руки и т. д., только это может дать и быстрейший выпуск книги и понижение себестоимости. Проблема оборотного капитала не может быть разрешена вне разрешения проблемы основного капитала. Поэтому путь нажима на оборотный капитал в пользу основного подготовляет в некоторой степени и разрешение проблемы оборотного капитала и убавляет оборотные затруднения на некоторый процент.

Одних этих «внутренних средств», однако, совершенно недостаточно, что бы хоть сколько-нибудь удовлетворительно или хотя бы в более или менее значительной степени поправить нужды в основного и оборотного капитала. Эти средства должны быть привлечены со стороны не в форме дотаций или субсидий, а в форме долгосрочного и краткосрочного кредита. Несмотря на то, что Госиздату (а когда мы говорим об основном капитале, мы имеем в виду, главным образом, ГИЗ, как крупнейшего владельца производственных предприятий) удалось несколько подновить свой основной капитал, его техника еще нуждается в обновлении и усилении—индустриализаторский процесс только еще начат. Эта задача не может быть удовлетворительно разрешена без долгосрочного единовременного и обязательно целевого кредита. Получив такой кредит, Госиздат смог бы построить новые здания (типографии, склады, магазины и т. д.), более приспособленные к растущей продукции и растущему обороту, и обновить всю свою техническую базу на

сумму, превышающую отпущенный ему кредит: значительную часть оборудования (в особенности печатных машин) можно было бы продать мелким совпартиздательствам и в провинцию, где тиражи газет и книг достигли такой высоты, что они уже не могут выполняться существующей техникой, но еще не поднялись до той цифры, которая требует более мощных машин, чем те, которые имеются у ГИЗа. С точки зрения общегосударственной экономики это было бы удовлетворительнейшим решением вопроса: провинциальная и мелкая совпартовская издательская промышленность окрепла бы при сравнительно небольшой затрате капитала, а Госиздат получил бы возможность давать стране огромные тиражи Ленина, крестьянских изданий, учебников и т. д. Кроме того, известная часть машин могла бы остаться у ГИЗа (для изданий с невысокими тиражами). Переоборудование может дать благодетельный толчок не только госиздатовской деятельности, но и всей нашей издательской промышленности.

Условия этого кредита (процент, сроки уплаты и т. д.) должны быть таковы, чтобы амортизационные средства могли покрывать платежи.

Проблема оборотного кредита лежит в оздоровлении и ускорении оборота. Ее разрешение покоится не только на количественном увеличении отпускаемых сумм, но и на качественном улучшении условий кредита: усиленное кредитование производственных кампаний (по изготовлению учебников к определенному сроку, политграмот, ленинской, юбилейной литературы и т. д.), дисконтирование векселей с более продолжительными сроками и т. д. Уже один учетный кредит, лучше поставленный, чем теперь, мог бы в значительной мере способствовать быстроте реализации, а вместе с тем и разрешению проблемы оборотного капитала. В настоящее время учетная политика банков совершенно не увязана с экономическими предпосылками издательской промышленности, с предпосылками реализации ее продукции. У нас учитываются покупательские векселя со сроком не свыше 6 месяцев. Почему именно 6 месяцев? Может ли покупатель-книготорговец реализовать на своем местном рынке в 6-месячный срок закупленную им в центре продукцию? Конечно, нет. Книга в общем—товар наименее быстро реализуемый. До войны реализация издания (с 5-тысячным тиражем) в три года считалась сносной. Учет 15-месячных (и более) векселей давал бы возможность

протолкнуть книгу (ибо всякая книга нуждается в проталкивании) в периферию через ряд книгопродавческих ступеней. Теперь книга более ходкий товар, чем раньше, но книгопродавец по большей части не имеет «наличности». Если ему дать срок, в течение которого он мог бы обернуться, он книгу бы продал и деньги вернул, но 6-месячный срок не дает ему этой возможности. Он неизбежно, в силу экономической необходимости, покупает только (или почти только) такой товар, какой у него рвут из рук (политграмоту, учебник к сезону и т п.). Но неохотно берет или совсем не берет часто такой книги, часто очень хорошей, какую он может продать не сразу: помимо того, что такая книга требует некоторых добавочных усилий, она не гарантирует ему возможности уплаты по векселю в срок... Рынок благодаря этому не организуется, он превращается в «ярмарку», в институт быстрой реализации во что бы то ни стало.

Велик учетный процент. Так как собственных средств у нашего книгопродавца обыкновенно не бывает, то капитал, который у него оборачивается, является почти исключительно заемным капиталом и те 6%, которые он на капитал начисляет обременяют... в конечном итоге книгу и затрудняют ее продвижение. Задачей будущего является удлинение сроков кредитования книгоиздательских и книготорговых организаций и снижение учетного процента.

Что же касается размера кредитов (внутренних, идущих главным образом на оборотный капитал, и инвалютных, идущих в основной капитал), то более или менее плановое его регулирование началось в 1924 году. Госбанк признал приемлемой цифру кредитования издательств в 10 млн. рублей (в этом году было отпущено 7 млн. руб.). Правление Госбанка постановило «принимать» покупательские векселя и выдавать ссуды под товары за исключением книг. Банки все время крайне неохотно шли или совсем не шли на вещный кредит (под залог книг), так как они считают, что книги—это такой товар, который трудно учесть и на котором легко прогадать. Это в корне неверно—ходовой учебник, печатающийся в сорок тысяч экземпляров, одобренный ГУСом или АПО ЦК ВКП(б), или сочинения Маркса, Ленина, Сталина и т. д. в наших условиях легче реализуются, чем многие другие промтовары. Верно это или неверно, но это ограничение ставит издательскую промышленность в отношении кредитования в худшее положение, чем другие отрасли промышленности.

В кредитовании издательской промышленности принимало участие несколько банков—Госбанк, Промбанк, Московский Горбанк, Всекобанк. В следующие годы размер кредитов возрастал. Приводим тут цифры кредитования ГИЗа по годам (цифрами кредитованиия всей издательской промышленности, мы, к сожалению, не располагаем).

	По учету векселей	По спец. текущ. сч.	По ссудам банковск.	По ссудам НКФ	Всего
На I/1—25 . .	2 021	2 033	—	1 230	6 272
» I/1—26 . .	8 445	3 930	—	1 236	13 611
» I/1—27 . .	9 858	360	5 648	2 662	16 528
» I/1—28 . .	11 236	12 3	757	1 248	14 454
» I/1—29 . .	8 970		200	1 425	10 595

Задолженность ГИЗа в 1925 г. выросла бо ьше чем вдвое против 1924 г Огромный тираж, потребовавший больших производственных расходов, не сопровождался значительным повышением реализации,—это и создало «кредитную пробку». С 1927 г начался процесс снижения задолженности, а к 1929 году он достиг скромной цифры 10,6 млн. руб., потому что продукция за это время значительно увеличилась. ГИЗ таким образом вышел с честью из оборотных затруднений, несмотря на крайнюю затрудненность у нас кредитования [1]). Осторожное тиражирование, значительное улучшение товарного качества продукции, умелое маневрирование финансами. рост торговых оборотов и т. д, все это оказало свое благодетельное действие. Это, однако, не разрешает вопроса о кардинальной переустройке техники и зданий ГИЗа (типографий, складов и т. д), эта задача потребует, конечно, крупных долгосрочных кредитов.

[1]) Дореволюционный издатель получал кредиты «бумажные» (бумагой) и «типографские» (когда он работал в чужих типографиях), подтоварные, вексельные, подписные (внесение подписчиками вперед денег на предполагаемые к выпуску издания). Наш издатель почти не имеет бумажного и подтоварного кредита и совсем не имеет типографского. Подписной же кредит начал развиваться недавно, но и он пока почти целиком достается агенту и денежных ресурсов издательству не приносит.

Эволюция хозяйства, понимаемая как хозяйственно-прогрессивный процесс с советской—социалистической точки зрения, есть путь не столько от мелких размеров к крупным, сколько от высоких цен к низким (крупные размеры предприятия для нас только средство достижения цели—удешевления). Ясно поэтому, что мы не можем уяснить себе эволюции советского издательского хозяйства, если мы не уясним себе, как советская издательская промышленность разрешала проблему ценообразования.

Цена книги покрывает издержки производства (производственные расходы), торговые и кредитные расходы и прибыль. Поэтому проблема ценообразования упирается в проблемы производственной себестоимости, коэффициента (являющегося способом покрытия главным образом торговых и кредитных расходов и прибыли). Ясно, что снижение цены книги может получиться как результат снижения этих элементов Рассмотрим каждую из этих проблем в отдельности [1]) и изучим по возможности пути их разрешения у нас. Оговариваемся, что более или менее заслуживающие признания данные мы имеем только по Госиздату [2]) и что поэтому мы наш анализ делаем только по этим данным

Издательская себестоимость составляется из производственной себестоимости (авторский гонорар, полиграфические расходы, стоимость бумаги) и редакционно-издательских расходов—затрат на чисто редакционную работу (вычитка рукописи, рецензентская работа и т. д.) и затрат по управлению. Редакционно-издательские расходы составляли в дореволюционное время до 18% производственной себестоимости, в начале нэпа они доходили до 20%, сейчас они составляют 15% производственной себестоимости—это шаг вперед. Цены на бумагу за все время нэпа не изменились, а относительно—если принять во внимание ухудшение за последнее время композиции бумаги, не сопровождавшееся уменьшением цены,—даже поднялись [3]).

---

[1]) Торговую проблему мы тут рассматриваем исключительно в той части, которая относится к проблеме ценообразования — в части процента торговых расходов.

[2]) Замечательно, что вопреки ревизионистским страхам перед крупным издательством учет и отчетность лучше всего поставлены именно в крупнейшем издательстве — в Гизе Не говорит ли это о том, что хотя не все благополучно в царстве гизовском, но что в других царствах — мелких издательских царствах — еще неблагополучнее История жизни многих таких издательств, приведшая их к смерти, об этом и говорит...

[3]) Издательский мир испытывает беспрерывный напор со стороны партийных органов общественных и профессиональных организаций и вообще со стороны общественного мне-

По сравнению с довоенными ценами на бумагу (хорошая бумага Кюмене стоила 3—3,50 р. стопа) теперешние цены поднялись в 2½—3 раза. Этот элемент себестоимости занял поэтому довольно видное место в стоимости книжной продукции Типографские расходы раза в 2—3 выше довоенных, но за время нэпа они несколько снизились. Авторский гонорар в общем был в начале нэпа значительно ниже довоенного, к настоящему времени он поднялся до уровня довоенного (а в некоторых случаях превосходит довоенный). Он поднялся, абсолютно, что отвечает и интересам пролетарского государства, стремящегося поставить в возможно лучшие условия культурные силы страны, и интересам книжного дела (поскольку повышение гонорара может создать постоянные кадры квалифицированных авторов), но еще больше поднялся относительно—как элемент себестоимости—вследствие применявшейся в последние годы политики резкого сокращения тиражей и типового авторского договора, утвержденного в последнее время, обязывающего издательства брать за основу 5-тыс. тираж для подавляющего числа выпускаемых книг.

Несмотря, однако, на все эти неблагоприятные моменты (дороговизну бумаги и полиграфические процессы, составляющие вместе примерно $^2/_3$ себестоимости книги), цена листа-оттиска почти не повысилась против довоенных цен, а если учесть валютные поправки, то значительно понизилась. За время нэпа книжные цены, отчасти под действием органов ЦК ВКП(б) и органов, регулирующих печать, отчасти в силу взятой самими издательствами социалистической линии снижались. Еще в 1925 г. Отделом печати ЦК ВКП(б) цена оттиска устанавливалась в 8 коп. В 1927 г. эта цена оттиска выражалась по ГИЗу в цифре 7,76 коп., в 1928 г.—7,30 коп., а на 1929 г. она спроектирована в 7,03 коп. По отдельным видам лите-

---

ния — напор, направленный к созданию хорошей и дешевой книги. Это очень хорошо с точки зрения интересов нашей культуры, нашей идеологии. Остается, однако, непонятным, почему вне обстрела остается «бумажный» мир. Бумтрест фактически держит судьбы нашей культуры в своих руках, а между тем мы не могли бы утешительно констатировать, что он делает что-нибудь серьезное в направлении снижения цен на бумагу. Один из ответственных руководителей заявил недавно на совещании издательских работников в Доме печати, что бумтресту нужно наскрести 250 млн. на постройку новых бумфабрик. Вряд ли можно приветствовать такую ультраиндустриализаторскую точку зрения .. Бумага при массовых тиражах является важнейшим фактором себестоимости и, если стоимость этого фактора остается неизменной, то серьезно думать о снижении себестоимости, а следовательно и цены не приходится. Вообще проблема бумаги становится в последнее время грозной проблемой, и нужно ее неотложно разрешать.

ратуры (по агитпропу, учебной литературе и т. д.) цена оттиска снизилась до 5 и 4,5 коп. По разным видам массовой литературы гизовская цена колеблется между 5 и 7 коп. По «Дешевой библиотеке» за 5 коп. дается 2,4 листа набора. ВЧК л/б 3,75 к. Как правило, гизовские цены ниже негизовских.

Покупателя больше всего интересует не цена оттиска, а цена книги. Задачей издателя, стремящегося дать трудящемуся населению максимум возможностей приобретать книги, является понижение цены экземпляра, хотя бы оно было достигнуто путем уменьшения объема книги (иной раз мы имеем уменьшение бумажного объема—когда тот же текст вмещается путем разных технических и шрифтовых комбинаций в меньшее количество бумажных листов) Начиная с 1922 г., мы имеем падение цены книжного экземпляра, которое сопровождается отчасти даже увеличением объема книги, а отчасти таким уменьшением этого объема, которое обгоняется уменьшением цены. Об этом говорит нижеследующая таблица сравнительных данных по гизовской продукции:

Годы	Объем в лист.	Цена экз. в коп.
1922	9,4	118
1923	11,4	108
1924	10,9	74
1925	8,1	49
1926	8,3	62
1927	6,1	44

Книга 1927 г. по объему составляет $^2/_3$ книги 1922, по цене же—немного больше $^1/_3$. Если принять во внимание, что зарплата рабочего за это время повысилась в общем вдвое, а доход крестьянина тоже вырос, то значительное понижение цены должно стать могучим орудием проникновения книги в самую толщу народных масс. Колоссальное распространение среди широких трудящихся масс таких книг, как сочинения Ленина, по таким низким ценам, которых не то что наше российское издательское дело, но и германское массовое производство не знало (за 80 коп. книга в 40 листов и в прекрасном переплете), играет огромную культурную и политическую роль и должно быть признано одним из наших величайших достижений.

Сравнительно большие достижения мы имеем в снижении цен на массовую литературу. По гизовским изданиям АПО и крестьянского

отдела (изданиям, составляющим основное ядро массовой литературы) мы имеем такую картину снижения цен на лист-оттиск:

	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г. (по плану)
АПО	6,83	6,29	5,99	5,85
Крест. отд. . .	6,35	6,33	6,23	6,09

По высокотиражным изданиям этих отделов (40 000 и выше) ГИЗ устанавливает стандартные цены от 5 коп. до 3,75 коп. лист (в зависимости от объема книжки—от 1 листа до 8). ГИЗ имеет также издания, которые идут по цене 2—2½ коп. лист (Ленин, Сталин и т. д.). Средний номинал по изданиям ГИЗа, идущим высокими тиражами и дающим, не считая учебников для школ соцвоса, около 300 млн. оттисков, выражается в цифре 3,5—4 коп.

Цены ГИЗа на массовую литературу ниже цен других издательств (по крестьянской литературе на 20%, по агитпропной на 15%). Эти цены ниже довоенных и капиталистических цен (5—6 коп. лист). Если принять во внимание валютные поправки и снижение покупательной способности рубля, то наши цены реально ниже в 2—1½ раза, чем довоенные. И все же наши цены еще высоки по отношению к бюджету рабочего и крестьянина. Их нужно еще снижать и снижать. Задачи культурной революции не мирятся с существующими ценами. АПО ЦК ВКП(б) совершенно правильно направляет немало своей энергии именно на этот фронт—на фронт цен литературы для широчайших масс, творящих культурную революцию. Он хорошо (и экономически правильно) делает, что он добивается снижения цен как реальной, сегодняшней, осуществимой цели—осуществимой в пределах «внутренних» возможностей издательств, чисто калькуляционным путем, разумной тиражной политикой, осторожной торговой и кредитной политикой, политикой низких скидок и т. д. еще можно добиться снижения цен. Это, однако, как мы сейчас увидим, имеет свой сравнительно близкий предел и центр тяжести важнейшего вопроса о снижении цен переносится главным образом на серьезное снижение себестоимости, что упирается в проблему индустриализации—в проблему переустройства полиграфической базы—и еще больше в проблему бумаги.

В самом деле, что сейчас дает экономическую возможность снижать цену книги, несмотря на дороговизну элементов воспроизводства? Высокие тиражи и низкие коэффициенты. Так как

гонорар—в пределах договорных тиражей—стоимость набора, корректура, правки корректуры, приправки машин остаются неизменными, стабильными (изменяется главным образом стоимость бумаги и печати), то при больших тиражах себестоимость единицы продукции—оттиска или экземпляра—сильно снижается. У нас, как мы видели в первые годы нэпа, беспрерывно росли тиражи, и это приводило к снижению себестоимости. Правда, мы видели, что рост тиражей таит в себе огромные экономические опасности—чрезмерно большие тиражи не находят себе полного сбыта или же находят себе слишком медленный сбыт; это создает затоваренность и устарение, а вместе с тем и обесценение книжной продукции, имеющейся на складах. Для советского издательского хозяйства эта опасность страшнее, чем для буржуазного издателя, потому что советский издатель не может пользоваться огромной прибылью, которую дают высокие тиражи (так как он в этом случае должен снижать цены) и ему не так-то легко перекрыть тот убыток, который дает уценка и затоваренность. Все это верно, но волков бояться,—в лес не ходить, тот издатель, который из панического страха перед тиражными опасностями стал бы отказываться от важнейшего способа удешевления книги (а следовательно и от лучшего способа реализации продукции и от нормальной прибыли)—от массовых тиражей, отвечающих действительному рыночному спросу,—был бы сущим издательским идиотом... Акт установления тиражей—не простое арифметическое действие (вычитания или деления), а издательская политика. Нужно стремиться к увеличению тиражей. Это нужно и с точки зрения идеологии—то, что выходит как полезная идеологическая ценность (а других книг не надо выпускать), должно стать культурным приобретением возможно более широких масс; это нужно и с точки зрения экономики—с точки зрения удешевления книги. Это увеличение тиражей должно, однако, отвечать в каждый данный период требованиям рынка (актуальным и потенциальным, т. е. тем требованиям, какие могут быть вызваны появлением хорошей книги, будящей определенные запросы, и активностью торговых организаций). Увеличивать тиражи до пределов рыночного спроса—такова должна быть в основе тиражная политика советского издательства. Эта политика здорового тиражного роста в наших условиях сталкивается со здоровой же политикой расширения ассортимента (имеющей, как мы выясним выше, огромное идеологи-

ческое значение), но в наших условиях экономической бедности противодействующей широким тиражным тенденциям. Если издательство располагает скудными запасами бумаги (так наз. «листажем»), если оно испытывает затруднения в оборотных средствах, если оно может приводить в движение слабую технику, то оно не может осилить обе задачи, не может разрешить их на все 100%. Ему приходится маневрировать—давать значительное множество названий маленькими тиражами и стандартизировать ряд высокотиражных изданий (меньшинство), дающих такую выгоду, какая может перекрыть те убытки, какие дают малотиражные издания.

Осуществляли ли советские издательства, и в частности ГИЗ, такую тиражную политику? До 1925 г. советские издательства выпускали огромные и все растущие тиражи. Это была не п о л и т и к а, а арифметика, ибо механически тиражи увеличились, но не приводились в достаточное соответствие ни с подлинными требованиями рынка, ни с проблемой ассортимента, ни с оборотными возможностями. В 1926 и отчасти в 1927 г. мы наблюдаем некоторую тиражную панику. Был безусловно перегиб палки в сторону сокращения тиражей, но он имел не только психологическое объяснение (огромные штабеля затоваренной продукции не могли не давить на психологию издателя), но и недурные экономические последствия—удалось кое-какую долю этой затоваренности рассосать Во второй половине 1927 г. ГИЗу (в особенности ему, поскольку он является главным, почти единственным продуцентом высокотиражной учебной и массовой литературы) нужно было значительно усилить свою производственную работу, дабы восполнить огромный недостаток продукции, созданный чрезмерной тиражной осторожностью. К настоящему времени мы имеем в основе, может быть, еще в зачатке, не в достаточно еще развернутом виде синтез больших тиражей по изданиям, могущим рассчитывать на хороший сбыт, с богатым ассортиментом. Снижение цены за 1927—1929 гг. объясняется и этим обстоятельством.

Главную роль, однако, в снижении цен на книги сыграла наша снижательная политика коэффициентов, политика диаметрально противоположная у нас капиталистической политике ценообразования. Мы все время снижали коэффициент, между тем как буржуазные издательства всего мира стремятся его повышать в целях извлече-

ния возможно более высокой прибыли и снижают его только тогда, когда их к этому вынуждает конкуренция

Коэффициент дореволюционных издательств равнялся минимум 3; на некоторые издания, напр., справочные и подписные—даже 5 и 6. Немецкие издательства, входящие в «Börsenverein», применяют коэффициент от 3 до 7. У нас в ГИЗе коэффициент снижался с 1925 г., когда он равнялся 3,09, в 1926 г. он спустился до 2,75, в 1927 г.—2,70, а в 1928 г. взята линия на снижение его до 2,50 Несмотря на огромные, можно сказать, нечеловеческие усилия, которые приходится затрачивать для такого снижения коэффициента, несмотря на великие экономические опасности, с которыми сопряжено такое снижение, коэффициент удалось снизить до 2,50. При этом коэффициенте номинал будет распадаться на следующие элементы:

1. Производственная себестоимость (авторский гонорар, типографские расходы, бумага)	40%
2. Редакционно-издательские расходы	15%
производственной себестоимости	6,0%
3. Торговые расходы	10,8%
4. Средняя скидка с номинала	21,0%
5. Нереализуемая часть (остатки)	10,0%
6. Уценка	6,0%
7. Финансовые расходы и потери по кредиту	3,54%
8. Убытки от неизданных рукописей	1,0%
9. Прибыль	2,41%
Всего	100,%

Ясно, что хозяйственно-прогрессивным будет главным образом снижение торговых и кредитных расходов. Снижение прибыли (которая почти равна нулю, ибо 2,4% легко при малейшем колебании превратятся в нуль) характеризует социальные тенденции пролетарского государства, но отнюдь не наше умение хозяйничать. Каковы же успехи или неудачи в области снижения расходов? Торговые расходы в узком смысле (т. е. расходы на торговый аппарат, рекламу и т. д.) составляют 10% всего совокупного номинала продукции, находящейся в данный момент на складах ГИЗа. Это составляет 16% оборота, который равняется 63% номинала (100% номинала минус нереализуемая часть—10%, минус уценка—6%, минус скидка—21%). Торговые расходы выше довоенных Их,

конечно, нужно снизить, но крупного эффекта от усилий к их снижению ожидать в ближайшем будущем не приходится, так как организация собственной книгораспространительной сети пока находится in statu nascendi—в стадии становления. Еще остается неразрешенной задача построения низовой сети. На это дело потребуется в течение многих лет немало средств. Во всяком случае мы не можем поставить этого превышения в вину советской издательской промышленности. Скидку 21% мы исчисляем со всей продукции, находящейся на складах. Это составляет 25% с 84% номинала, с той продукции, которая фактически реализуется (номинал минус нереализуемая часть 10%, минус уценка 6%). Двадцатипятипроцентная скидка, осуществленная ГИЗом в 1928 г., является шагом вперед, так как средняя гизовская скидка до этого времени составляла 28—30%. Эта скидка, однако, была ниже довоенных скидок. Издательства, выпускавшие крупные издания (в том числе периодические и подписные), давали крупным оптовикам 50% скидки, своим представительствам—45%, мелким оптовикам—35%. Двадцатипроцентная скидка давалась, что называется, направо и налево. Средняя дореволюционная скидка была не ниже 33%.

Не велик процент остатков и процент уценок. Никакие другие товары так быстро не устаревают в своей основной массе и так легко не подвергаются опасности так наз. «затоваривания», как книга. Старые издатели выходили из этого затруднения разными путями: одни (Стасюлевич, Вольф, Маркс, Суворин и др.) первые «заводы» (первые части тиража) выпускали по высокой цене, что покрывало им расходы на производство книги, а следующие «уценивали» и выпускали по пониженной цене (что давало чистую прибыль). Другие нарочито сокращали производство книги, держали тиражи на уровне явного голода. Ясно, что советское издательство не может итти ни на то, ни на другое. Поэтому нереализуемые остатки в 10% можно считать явлением более или менее нормальным (хотя, конечно, нужно снизить и этот процент).

Все сказанное выше убеждает нас, что эволюция нашего издательского хозяйства является эволюцией прогрессивной, ибо с советской—социалистической точки зрения можно считать хозяйственно-прогрессивным то, что ведет к улучшению качества и снижению цены. Уже сейчас советская книга, несмотря на дороговизну материалов и более высокую, чем за границей, оплату процессов труда,

значительно дешевле заграничной. Американские и английские книги на много дороже наших, но даже германская книга, славившаяся до войны своей прочностью, экономностью верстки и дешевизной, после войны стала значительно дороже нашей книги. Для примера берем хотя бы том Технической энциклопедии Люгера. в Германии он стоит 45 марок—22 руб., а у нас аналогичный том (в лучшем переплете) выпущен по цене 9 руб. Вообще книги по специальным предметам так дороги в Германии, что к ним не то что рабочий или крестьянин, но и хорошо оплачиваемый служащий не может приступиться Какая-нибудь «Одонтология» в 12—15 печатных листов стоит 22 марки Но и беллетристика и социально-экономическая книга раза в 2—3 (а то и 4) дороже нашей. Советская книга, если мы учтем валютные поправки. в среднем стоит раза в 1½—2 дешевле дореволюционной [1]).

Организованное крупное хозяйство, как носитель советского хозяйственного творчества, и низкие цены как результат хозяйственной деятельности—это путь к социализму. Надо, однако, еще установить, что субъектом этого хозяйства является пролетарское государство. Поэтому для того, чтобы точно уяснить себе характер эволюции нашего издательского хозяйства, мы должны выяснить, в каком соотношении находятся между собой социалистический сектор издательского хозяйства и частные издательства. Это соотношение было наиболее благоприятным для частника именно (как это ни странно) в годы военного коммунизма. Частные издательские фирмы не только продолжали существовать, но и вновь возникали уже тогда, когда почти вся промышленность и торговля были национализированы. Именно в эпоху военного коммунизма возникли: «Антей», «Алькенон», «Геликон», «Денница», «Гржебин», «Колос», «Факел», «Светозар» и т. д. В гизовский период частные издательства работали в качестве контр-агентов и даже развивались за счет государственных средств. Частный капитал настолько недурно себя чувствовал в роли приживальщика пролетарского государства, что он даже попытался дать этому сожительству идеологическую платформу. Может быть не все помнят (а многие не знают) нашумевшей в свое время записки бывшего с.-р. Витязева, певца и идеолога частного изда-

[1]) В довоенных товарных денежных единицах оттиск едва ли стоит 3 коп., между тем как в 1913 он стоил 5—6 коп.

чельского капитала, на имя членов ЦК, ЦКК и т. д. Устами этого господина частно-издательский капитал (частный, поскольку из тощего государственного кошелька деньги перекачивались в частные карманы) доказывал, что только частник может справиться с культурно-издательской миссией... Надо сказать, что в это время— когда эпоха военного коммунизма была на исходе и когда ее неудачи особенно остро ощущались в области издательской работы— находилось немало товарищей, которые питали больше доверия к частным начинаниям, чем к государственным. И в первые годы нэпа мы встречаемся еще с сильным течением в пользу выполнения издательской программы помощью контр-агентов. Они просуществовали до 1923—24 гг.

За годы нэпа, однако, мы наблюдаем беспрерывный рост значения обобществленного сектора (государства, партии, профсоюзов, кооперации) и безостановочное увядание частнокапиталистического сектора. До 1923 г. число частноиздательских предприятий росло вместе с ростом числа издательских предприятий вообще. К 1 июня 1923 г. частные издательства составляли 30% всех издательств (233 из 678), а к 1 января 1924 г. они составляли даже 39% (442 из 1,127), но 1 января 1925 г. число их пало абсолютно (431 частное издательство), и в 2 раза уменьшалась их относительная доля (20%— 431 издательство из общего числа издательств в 2 055). Надо к этому прибавить, что среди частных издательств было не мало фиктивных, не мало таких, что выпускали одну-другую книжку и потом исчезали. В последующие годы мы видим, что относительный вес частно-издательских предприятий в общем числе предприятий все уменьшается.

В 1927 году число частных издательств снизилось до 10%, а частных книготорговых предприятий—до 15%

Картина увядания частноиздательского дела еще больше выявляется при учете доли частных издательств в книжной продукции и книжной торговле. В 1923 г. доля частных издательств в торговом обороте выражалась в 10—12%, а в 1924—25 гг. уже только в 4—6%; их доля в книжной продукции выражалась так: в 1922 г — 20%, в 1923 г.—11%, в 1924—25 гг.—не больше 7%. За 2 года как доля в продукции, так и доля в торговле уменьшилась вдвое. В дальнейшем эта доля еще больше упала.

Издательское хозяйство в настоящее время концентрировалось в руках пролетарского государства и пролетарских организаций. В этом

же кругу—в обобществленном секторе издательского хозяйства—возвышается Госиздат—центр и собиратель земли издательской.

Не прямым и не легким путем шла хозяйственная и идеологическая эволюция советского издательского дела. Повороты то в одну, то в другую сторону, ошибки, промахи, колебания, бесплодные усилия—всех этих отрицательных явлений не чуждо было наше издательское дело Оно, однако, не чуждо было великого пафоса, творческого энтузиазма, неустанного стремления к идеологическому творчеству в духе пролетарской борьбы и строительства. Как в идеологической, так и в хозяйственной области кое-какие успехи имеются. Они сводятся, главным образом, к тому, что все издательские реки все больше и больше вливаются в океан единого государственного хозяйства, становящегося орудием овеществления в форму книжных ценностей единой пролетарской идеологии. Мы еще в этом отношении в начале пути, но мы уже на верном пути, мы еще очень мало сделали, но мы знаем, что мы можем сделать нужное пролетариату дело—и мы его будем делать.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Социальная роль книги до пролетарской революции и при диктатуре пролетариата 3
II. Единство идеологии и экономики в советской издательской промышленности 11
III. Задачи единого организованного идеологического руководства . 22
IV. Проблема количества издательской продукции (ассортимент и количество экземпляров) 37
V. Качество издательской продукции 56
VI. Экономическое развитие издательского дела в СССР 83